АЛЬМАНАХ ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ СТУДЕНТОВ

ВЫПУСК № 18

2026 ГОД ЕДИНСТВА НАРОДОВ РОССИИ

ПОЛИТЕКСТ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Нижегородский государственный технический университет
им. Р.Е. Алексеева

Кафедра методологии, истории и философии науки

ПОЛИТЕКСТ

Альманах творческих работ студентов

Выпуск № 18

Нижний Новгород

2026

ББК84р+81.2Рус-5

Политекст: альманах творческих работ студентов НГТУ им.Р.Е. Алексеева.
Выпуск №18; Нижегород. гос. тех.ун-т им.Р.Е. Алексеева. – Н. Новгород, 2026. – с.

В альманахе представлены творческие работы студентов Нижегородского государственного технического университета разных жанров: прозаические произведения, поэтические тексты, рисунки, а также работы творческого и научного характера по русскому языку и культуре речи, истории и философии.

Четыре раздела сборника включают работы победителей творческого конкурса НГТУ в различных номинациях.

Издание представляет интерес для студентов технического университета всех форм обучения, а также для преподавателей и сотрудников вуза.

Ответственный за выпуск: проф. Гордина Е.Д.
Редактор: Вилков Д.В.
Художник: Зубова А.Д.

©Нижегородский государственный
технический университет
им. Р.Е. Алексеева, 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ 7
Раздел I. РОССИЯ БЕЗ КОНЦА И БЕЗ КРАЯ 9
Тесленко Никита 10
Буртаев Александр 11
Семенченко Виктория 11
Бахмутов Валерий 13
Киселев Кирилл 15
Трушков Роман 15
Ким Андрей 16
Плахова Марина 17
Кравченко София 19
Карпова Алина 20
Лезин Федор 21
Сироткин Дмитрий 22
Молодцова Анна 24
Плотников Анатолий 25
Рубцова Юлия 26
Кузин Даниил 27
Раздел II. ПРОБА ПЕРА 28
Антонов Илья 29
Соколова Тамара 30
Тюкалкина Ксения 30
Орехов Ярослав 31
Поторочин Илья 31
Макарычева Анастасия 32
Ялышева Екатерина 33
Друзякин Илья 33
Школьник Екатерина 34
Гонов Егор 34
Арлевич Владислав 35
Самофалов Никита 35
Шаронова Дарья 36
Смолин Кирилл 38
Бочкарева Елизавета 38
Лапырин Виктор 39
Ильичев Кирилл 39
Копытова София 42
Чухманова Анастасия 43
Ваганов Владимир 44
Шигин Роман 45

Антипова Варвара 47
Носкова Мария 48
Рябич Константин 49
Пекнина Полина 50
Спиряева Ксения 51
РАЗДЕЛ III. И СЕВЕР ИНЖЕНЕРУ ПОКОРИТСЯ… 53
Березин Дмитрий 54
Мышляев Кирилл 55
Малеев Роман 55
Князева Ксения 56
Коломенская Анастасия 57
Мусаров Алексей 58
Круглов Матвей 59
Арбатский Леонид 60
Сапожников Сергей 61
Демарев Владимир 62
Шипицын Иван 63
Панов Никита 65
Терентьев Матвей 65
Назарова Виктория 66
Бирюков Роман 68
Веселов Владислав 69
Лепенькин Антон 71
Закиров Ильдар 72
Раздел IV. ВСЕ НА ЮГ, А Я НА СЕВЕР 74
Рыбакова Екатерина 75
Каликин Дмитрий 76
Кулижных Яков 76
Егоров Иван 78
Черней Юлия 79
Пащенко Семен 80
Моисеева Ульяна 82
Раздел V. АРКТИКА ГЛАЗАМИ СТУДЕНТА 84
Сколкина Арина, Шилова Ксения, Гордеева Елизавета, Вайнштейн Алексей, Салтысюк Анастасия, Курдина Милана, Войнов Арсений, Гольдина Алина, Еранцев Андрей, Климин Алексей, Иванцова Анастасия, Тюкалкина Ксения, Малинин Роман, Елисеев Матвей, Гонов Егор.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы рады приветствовать Вас, читатель, на страницах альманаха «Политекст»! Наша тема в этом году – Арктика, ее научное и хозяйственно-экономическое освоение, северные районы нашей бескрайней страны. И в более широком смысле – вообще регионы России.

Вспоминаются строки известной песни:

От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит, как хозяин
Необъятной Родины своей.
(«Широка страна моя родная», 1936 г., муз. И. Дунаевского, сл. В. Лебедева-Кумача).

Россия – действительно необъятная и многонациональная страна с удивительно разнообразной природой и ресурсами. На протяжении многих веков российской истории шло постепенное расширение ее территории. Конечно, этот процесс был сопряжен со многими трудностями, освоение новых земель давалось нелегко. Северные регионы нашей страны отличаются экстремальными природно-климатическими условиями, хотя при этом очень богаты природными ископаемыми (газ, нефть, минералы и др.). Плотность населения здесь много ниже, чем в центральных регионах. Российский север многонационален, есть и крупные (якуты, буряты, тувинцы, коми, карелы), и малые национальные группы. В процессе присоединения происходило и проникновение все дальше на северные территории русского населения.

Исторически раньше происходит освоение европейского севера страны, позже – северо-восточной, Сибирской территории северных регионов Евразийского материка. Исстари, на заре появления древней Руси, на северные земли переселялись славяне из Новгорода. Строили остроги, монастыри, становились «поморами», занимались рыбным и пушным промыслом. В XVI в. через Архангельск (дальше – Вологда, Ярославль) начала осуществляться торговля с Западной Европой, прежде всего – Англией. Российский север стал местом смешения множества культур (коми, ненцев, карел, русских, финно-угров и др.), рождения уникального деревянного зодчества (вспомним, например, знаменитый комплекс в Кижах), искусства и ремесла. Большое влияние на северные регионы оказал церковный раскол и появление старообрядчества в XVII в. Проникновение в Сибирь началось, как известно, тоже с XVI в. и продолжалось в XVII в. экспедициями казаков. Местное население облагалось «пушным налогом» – ясаком. Заинтересованность в «мягком золоте» обусловила во многом освоение в первую очередь северной территории Сибири. Богатая полезными ископаемыми зона тундры и вечной мерзлоты осваивалась и промышленниками. Государственная политика России во время колонизации северных территорий была направлена на развитие бесконфликтных отношений с их коренными народами, их постепенное включение в социально-экономическую и культурную жизнь страны.

На современном этапе Арктика и северные районы России продолжают оставаться исключительно важными для страны в стратегическом и экономическом отношении.

В альманахе, который Вы держите в руках, представлены творческие работы студентов разных направлений подготовки и специальностей Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева – эссе, стихи, рассказы, рисунки. Каждая работа уникальна. Кто-то из ребят писал о своей малой родине, кто-то размышлял о будущем и перспективах Арктики, ее удивительной природе. Где-то слышен технико-технологический аспект, где-то звучат мысли об экологии. Удивительно талантливы наши ребята. Одна из любимых, хотя и сравнительно новых (по сравнению с другими жанрами), номинация рисунков. Именно своей разноплановостью интересен «Политекст». И очень символично его название. Приглашаем Вас в нашу творческую дискуссию!

Доктор исторических наук, профессор,
зав. каф. «Методология, история и философия науки»
Гордина Елена Дмитриевна

Россия без конца и без края

Комментарий. **В разделе представлены лучшие сочинения и эссе студентов, участвовавших в творческом конкурсе, посвященном Году единства народов России. Ребята писали о наших ценностях, о бескрайних просторах и удивительных местах, достопримечательностях и экологии своей малой родины. Особое внимание уделено природе и людям русской Арктики. Работы отличаются не только художественной ценностью, но и оригинальностью подхода. Большинство эссе объединены в тематические блоки.**

Тесленко Никита, *ИТС, С25-ЛА-1*

ЕДИНСТВО НАРОДОВ РОССИИ

Россия – страна, где веками бок о бок живут сотни разных народов. Каждый из них уникален, со своими обычаями, языком и искусством. Но всех объединяет общая цель – строить будущее вместе. Поэтому 2026 год объявлен Годом единства народов России, чтобы напомнить нам, что многообразие – это наша сила, которую нужно беречь. Единство – это не просто красивые слова, а ежедневная работа. Это уважение к другим культурам, умение слушать и понимать тех, кто рядом. В школах и культурных центрах проходят фестивали, уроки истории и творческие проекты, чтобы наше поколение узнавало больше о своей стране и понимало: каждый народ – важная часть единого целого.

Для меня тема единства народов России — не что-то отвлечённое или далёкое. Я родился на Донбассе, где люди всегда жили плечом к плечу, делили между собой не только радости, но и трудные времена. В детстве я часто слышал, как соседи на одной улице говорили на разных языках, но всегда понимали друг друга с полуслова. Когда моя малая родина стала частью России, я ощутил это не как политическое событие, а как возвращение домой – к большой семье, частью которой мы себя всегда чувствовали. Это сопровождалось и волнением, и надеждой, и тихой внутренней уверенностью, что впереди – общий путь.

Переезд в Нижний Новгород стал для меня серьёзным шагом. Оставить родной дом, знакомые улицы, привычный ритм жизни – это всегда непросто. Но с первых дней в этом городе я почувствовал, что попал в пространство, где тебе рады. Где люди интересуются твоей историей, где уважение к твоим корням – не формальность, а искреннее проявление человеческого тепла. Каждый новый знакомый, каждая совместная работа над проектами, каждое «если что – обращайся» от совершенно незнакомых людей укрепляли меня в одном: Россия действительно связывает своих людей невидимой нитью. И где бы ты ни оказался – в мегаполисе, старинном городе или маленьком посёлке – эта нить ощущается.

История России показывает, что именно сплочённость помогала нам преодолевать трудности. Победы в войнах, восстановление после разрухи, развитие науки и культуры – всё это результат общего труда людей разных национальностей. В 2026 году мы вспоминаем об этом, понимая, что эти уроки особенно актуальны сегодня. Год единства народов России – это призыв к каждому из нас задуматься о своём вкладе. Единство начинается с малого: с доброго слова, искреннего интереса,

готовности протянуть руку помощи. Это может быть участие в волонтёрских проектах, создание культурных инициатив или изучение истории своего края. Иногда достаточно просто проявить уважение – и это уже меняет что-то вокруг.

Год единства народов России – это не просто очередной праздник, а время для размышлений. Он напоминает нам, что наша многонациональная страна – это большой дом, и только от нас зависит, каким он будет. Тёплым или равнодушным. Открытым или закрытым. Крепким или хрупким. Если мы будем ценить разнообразие, поддерживать друг друга и стремиться к взаимопониманию, Россия станет ещё сильнее и увереннее в своём будущем. А значит, сильнее будем и мы – каждый по-своему, но вместе.

Буртаев Александр, *ИЯЭиТФ, 24-АЭ*

Часто говорят о единстве народов России как о чём-то монументальном, проявляющемся в парадах, фестивалях, глобальных проектах. Я же вижу его скорее не в громких словах, а в тихом, повседневном взаимопроникновении различных национальных культур – в том, что стало как бы воздухом, который не замечаешь, пока он есть.

Он в моей нижегородской квартире, где на кухне соседствуют татарский эчпочмак, привезённый другом из Казани, и русские блины с вареньем из сибирской облепихи, по рецепту любимой бабушки. В том, как я, не задумываясь, говорю «спасибо» по-грузински («мадлоба») и «здравствуй» по-якутски («эҕэрдэ»), потому что эти слова естественно вплелись в речь моих друзей, а значит, и в мою.

Это единство – не в стирании различий. Напротив, оно в их любопытном и уважительном рассмотрении. Как в узоре: чем ярче и самобытнее каждая нить, тем богаче полотно. Русская тоска по бескрайнему простору находит отзвук в степной песне калмыка. Суровая мудрость северных народов, их умение слышать тишину, – это лекарство от городской суеты для любого из нас.

Настоящая прочность – не в железе, а в этих тысячах невидимых связей. В учёном-физике из Дубны, чьи корни уходят в дагестанский аул. В волонтёре из Красноярска, помогающем сохранять язык и культуру малочисленных народов Севера, потому что считает их общим достоянием. Мы давно перестали быть соседями по территории. Мы стали соседями по истории, по судьбе, по общему будущему, которое строится не сверху, а из этих миллионов личных, человеческих выборов – узнавать, делиться, помогать, понимать.

Это и есть наша сила: не единообразие, а осознанное, бережное сплетение. Мы уже не представляем себя друг без друга, и в этом – самое настоящее единство.

Семенченко Виктория, *ИРИТ, 25-ПМ-1*

Меня зовут Семенченко Виктория, мне 18 лет, и я уже три года езжу в поисковые экспедиции. Мы ищем солдат, которые пропали во время войны. И за эти три года я поняла, что такое на самом деле «единство народов России». Для меня это не учебник и не речь по телевизору. Это мои друзья и одна большая история.

Как это часто бывает, главный урок преподнесла не работа, а вынужденная пауза. Ливень заставил нас отступить с раскопа, но на следующий день мы увидели печальную картину: наша яма была полна воды. И вот тогда, без команды, просто потому, что иначе было нельзя, мы выстроились в цепь. Весело и с шутками передавали друг другу полные ведра. Я смотрела, как ведро переходит из рук в руки: от парня из Перми – к девушке из Питера, ко мне – и дальше. Я ловила взгляды и улыбки этих уставших, мокрых людей и думала: мы такие разные, но сейчас мы – одно целое. Одна команда, одна сила, которая даже против воды готова идти до конца.

А какие люди там собираются! Я сначала удивилась, когда узнала, что с нами едет девушка, которая работает в театре в Петербурге! Она играет на балалайке и поёт. Я думала, такие творческие люди не ездят в походы. Но она копала так же упорно, как все, а вечером у костра давала нам целые концерты. Она была как лучик света. А наш руководитель из Нижнего Новгорода – он для всех стал мудрым наставником. Он историк и умеет рассказывать о войне так, что мы слушаем, затаив дыхание. Он научил нас не только правильно работать со щупом и лопатой, но и самому главному – уважать друг друга и ту память, которую мы поднимаем из земли. А ещё с нами в лагере жила девушка из Ханты-Мансийска, из народа манси. Она научила нас играть на варгане – маленьком древнем инструменте. И рассказывала про свои обычаи. Это было так здорово – как будто кусочек другой культуры приехал к нам в гости в лес.

Вечер у костра – это лучшее время. Каждый день двое дежурных готовили еду на всех. А потом мы собирались у костра. Кто-то сушил свои вещи, а кто-то просто молча смотрел на огонь. Мы рассказывали смешные истории. Например, я однажды сказала: «Ой, смотрите, какой красивый подосиновик!». А ребята из Перми меня не поняли: «Какой подосиновик? Это же красноголовик!». Оказалось, грибы в разных городах по-разному называют. Мы тогда долго смеялись.

Самое главное – это то, что мы делаем. Когда мы находим какую-то вещь солдата, а особенно медальон, у всех замирает сердце. В этот момент нет ни питерцев, ни пермяков, ни москвичей. Есть просто мы – команда, которая только что сделала что-то очень важное. Мы все чувствуем одинаковую гордость и тихую радость. Потому что теперь этого бойца найдут его родные, и он наконец-то будет дома.

Мы – как большая семья, разбросанная по карте. Экспедиция заканчивается, но наша дружба – нет. Мы общаемся в сети, шутим, вспоминаем лес и костёр. Когда я теперь смотрю на карту России, я вижу не просто города. Я вижу лица: вот подруга в Питере репетирует в театре, вот друг в Ханты-Мансийске учится играть на варгане, а вот наш руководитель в Нижнем Новгороде ведёт урок истории. И мы все связаны одной памятью.

Так что же такое единство? Для меня единство народов России – это не про паспорта и документы. Это про то, как люди относятся друг к другу. Когда в лесу тебе помогают, не спрашивая, откуда ты. Когда у костра тебе рассказывают историю твоего народа так, что ты чувствуешь гордость. Когда над одной находкой радуются все вместе, как родные.

Это значит – оставаться человеком. Всегда. Именно так я и узнала свою страну. Не по учебникам, а по людям, с которыми копаешь одну яму, поёшь одну песню и помнишь одну историю.

Бахмутов Валерий, *ИЯЭиТФ, С24-АЭ*

МОЕ ОТКРЫТИЕ ПРИРОДЫ РОССИИ

Я очень люблю лес. Прошлым летом мне удалось съездить на север в Карелию и Мурманскую область, полюбоваться красотами тамошней природы. Находясь в этих местах силы, я получил такие впечатления, каких до этого никогда не испытывал, хотя в детстве часто гулял по маленьким и уютным рощам. В Карелии я ощутил целую палитру эмоций, мог вслушиваться, чувствовать запахи и наслаждаться живописными видами.

Утренняя трель птиц ласкала слух. То и дело хотелось остановиться, прислониться спиной к шершавой коре сосны или сесть на большой, заросший многолетним бурым мхом камень, чтобы насладиться этим приятным пением.

Ах, как свеж и сладок лесной воздух на рассвете! Ароматы хвои, смешавшиеся с влажным туманом, наполняли грудь, вызывая чувство приятного спокойствия.

Солнечные лучи заливали светом лесную зелень. Разрезаемые острыми хвойными ветвями, они будто плавно парили в воздухе. Изумрудная гладь мха и папоротника стелилась по земле и окутывала, будто одеялом, бескрайнее множество выглядывающих из-под земли камней. Словно волны бурного океана, они пробивались сквозь почву.

Издали виднелось большое озеро – одно из многих, какими изобилует карельская тайга. Дойдя до берега, я увидел всё тех же «обитателей» здешних лесов – гладкие серые монолиты, которыми усыпано побережье. Край лесной чащи резко обрывался этой огораживающей его стеной. Я присел на один из огромных валунов и стал слушать, как маленькие волны булькают, разбиваясь о каменный пояс, и любоваться чистейшей и прозрачнейшей водной гладью. Лесной массив напротив напоминал зеленую шапку, покрывшую горизонт. Здесь, на краю света, стирается грань между реальностью и её отражением, и ощущаешь, как тишина как бы входит в тебя, вымывая всю городскую суету, оставляя лишь первозданный каменный и водный покой. Это не просто озеро, это врата в мир, каким он был задуман – суровый, молчаливый и бесконечно прекрасный. От этой безмятежности захватывало дух, и я не мог оторваться, когда чувствовал, как поёт душа.

Природа Кольского полуострова и русского Севера в целом поистине великолепна. Она созвучна широте русской души, когда человек может чувствовать себя по-настоящему живым, ощущать прилив сил и вместе с тем умиротворение. Наслаждаться красотами Карелии можно бесконечно.

Милехин Даниил, *ИТС, 25-ДП*

Я 18 лет прожил на Крайнем Севере, в республике Коми, менее 100 км до Северного полярного круга, поэтому мне особенно близка эта тема, близки красоты природы, которые там можно увидеть, то самое северное сияние, которое

расплескалось на полнеба, поистине золотая, но короткая осень, фантастические могучие леса. Но за красотой Русского Севера скрываются холодная зима, длящаяся почти 7 месяцев, а потом холодное лето, которое будет греть тебя максимум 2,5 месяца. А еще летом у многих может развиться паранойя из-за полчищ комаров, мошек, оводов, которые будут досаждать поочерёдно, пока не придут новые холода! В отдельные дни количество гнуса больше напоминает рябь на старом бабушкином телевизоре, будто бы люди севера прогневали чем-то старого языческого бога, который, через своих «посланников», решил устроить своеобразное «жертвоприношение».

Зимы здесь считаются тёплыми, если за всё то время, пока лежит снег, отметка в –40 градусов не будет достигнута. Нередко я наблюдал, что сами школьники, с раннего возраста, приходя из школы днём, брали лопаты и шли чистить снег, который буквально за ночь выпадал по 20-30 см… И так почти каждый день! Этот период длится с начала ноября по апрель. Что же касается взрослых, любой северный человек вам скажет, что в сутках всегда не хватает пары часов. Ведь все же помнят поговорку про сани и телегу? Вот и на севере всегда ко всему готовятся заранее: зимой – колка дров, которые должны отстояться год, прежде чем их можно будет использовать, весной – заготовка хлыстов (стволы деревьев, у которых срубили все ветви), летом – огород, строительство и разные бытовые проблемы, осенью – подготовка дома и участка к зиме. А в свободное время – рыбалка, охота и, конечно же, баня.

Многие из тех, кто общался с народами Крайнего Севера, отмечают, что, несмотря на суровый характер, эти люди никогда не бросят в беде, протянут руку помощи. И это не удивительно: такой менталитет формировался тысячелетиями, ведь если не приютишь «сегодня», в холодную зиму, ближнего своего, то и «завтра» тебе никто не поможет. Не остались люди севера в стороне и в Великую Отечественную войну, несмотря на то, что линия фронта до Крайнего Севера не доходила. В 1941 году были отправлены оленьи батальоны с территорий Коми АССР, Архангельской и Мурманской областей и из Ненецкого национального округа. Также немалую роль для победы над врагом играл такой город, как Воркута, обеспечивавший углём 35 городов, включая Ленинград (в блокадный город было отправлено более 200 тысяч вагонов с углём) и Москву, а также 50 предприятий оборонной промышленности Северо-Западного региона страны. 1937 год – начало строительства важнейшего железнодорожного пути Котлас – Воркута, но в связи с началом войны его в срочном порядке закончили 28 декабря 1941 года. Из-за того, что работа шла в невыносимых условиях, очень много людей погибло на строительстве, и в народе этот железнодорожный путь получил название «Дорога на костях».

10 сентября 2021 года Воркуте было присвоено звание «Город трудовой доблести». История доказывает, что люди севера готовы были помогать своей родине не только напрямую, формируя оленьи батальоны, но и косвенно, снабжая фронт продовольствием и углём.

Таким образом, можно смело заявить, что, как баня закаляет наше тело, так и вечная борьба северного человека с морозами закаляет разум и характер.

Киселев Кирилл, *ИРИТ, ИВТ-4-2*

До шестнадцати лет я думал, что вся Россия – это снег, мороз и короткое прохладное лето. Я вырос на севере и не знал другой природы. Но одна поездка в Геленджик все изменила.

Первый раз, когда я вышел из самолета, меня ударило по лицу горячим влажным воздухом. Он пах морем, травами и чем-то сладким. Я никогда не чувствовал ничего подобного. На севере природа строгая и холодная, а здесь она была теплой, яркой и гостеприимной.

Мы жили в тихом месте, и самой большой моей находкой стал не пляж, а старый парк на горе. Однажды я гулял там и заблудился. Свернул не туда и оказался в совсем другом месте.

Шум города сразу стих. Я был один среди огромных деревьев. Воздух стал свежим и пахнул сыростью. Солнце пробивалось сквозь листья. И тут я увидел кое-что странное.

Сначала я подумал, что это ящерица. Но она была необычной. Местные ребята потом сказали, что это «хамелеоновый светлячок». Это маленькое существо, похожее на ящерицу, умело становиться невидимым. Оно сливалось с корой дерева или с камнем. А иногда оно тихо светилось в темноте, как маленький огонек.

Я сел на камень и замер. Один такой светлячок медленно подполз ко мне. Он посидел у меня на колене, и его кожа стала такого же цвета, как мои шорты. Я чувствовал, как он дышит. Это было удивительно. Я словно попал в сказку. Эта встреча показала мне, что в мире еще много неизведанного и удивительного.

В тот момент я все понял. Россия – это не только снег и холод. Это много разных мест. Есть суровый север, а есть этот теплый юг, где растут огромные деревья и живут волшебные существа.

Эта поездка открыла мне глаза. Теперь, когда я думаю о России, я представляю не только белые просторы, но и тот теплый парк, где на деревьях прячутся светящиеся ящерицы. Наша страна полна сюрпризов, нужно только захотеть их увидеть.

Трушков Роман, *ИРИТ, ИВТ-4-2*

Летом, когда мне было одиннадцать лет, я впервые по-настоящему открыл для себя удивительную природу России, отправившись на Байкал. Это поездка стала для меня настоящим приключением, которое я до сих пор вспоминаю с теплотой. Мы ехали туда на поезде целых три дня – я, мама, сестра и двоюродный брат. Дорога тянулась долго, но именно она дарила предвкушение приключения от поездки. В поезде мы весело проводили время, играли в разные игры, много разговаривали. Я тогда ещё не знал, насколько красивой и удивительной может быть природа России.

Когда мы приехали в Нижнеангарск, мы поселились у родственников, в обычной квартире. Атмосфера города была необычной, воздух там казался особенно свежим, даже вода из-под крана казалась другой. Мы пробыли на Байкале три недели, и каждый

день ходили купаться. Вода была прозрачной, но достаточно прохладной, так что сначала даже трудно было зайти туда. Зато когда погружался – ощущал невероятную бодрость, будто сама природа наполняла меня энергией. Иногда, когда мы плескались у берега, я просто останавливался, смотрел на воду и не мог поверить, что передо мной самое глубокое и величественное озеро на планете. По вечерам мы гуляли по берегу, наслаждались звуками озера и любовались закатом.

Особенно запомнилась поездка на катере к острову. Мы провели там целую ночь: ставили палатки, разводили костёр, жарили еду и слушали звуки природы – всё это создавало чувство единения с природой. Мы также побывали на горячих источниках. Горячие источники поразили меня тем, что даже в прохладную погоду вода там оставалась тёплой. Я тогда понял, насколько разнообразна и величественна русская природа. Также мы съездили на самую северную точку Байкала. Стоя там, на краю огромного озера, ощущая его мощь и величие, я чувствовал, будто стою на краю мира.

Эта поездка стала для меня настоящим открытием. Байкал подарил мне не только незабываемые воспоминания, но и понимание того, как важно беречь и ценить эту красоту, которая досталась нам в наследство. Он показал мне, насколько наша страна красивая, великая и живая. Теперь я уверен: чтобы любить природу России, её нужно не только изучать по картинкам, но и видеть своими глазами.

Ким Андрей, *ИФХТиМ, 25-ММ-3*

Север – это не просто слово или регион на карте, для меня это родной дом. Я родился и прожил в Мурманске восемнадцать лет, и лишь когда я переехал, понял, насколько неотразима природа Севера; она стала для меня настоящим открытием.

Не каждое утро меня встречало яркое солнце. В разгар учебного года его становилось все меньше и меньше, пока к декабрю не наступала полярная ночь. Может показаться, что это плохо, ведь без солнечного света на протяжении всего дня невозможно вести какой-либо активный образ жизни; но это не так – именно в этот момент раскрывается вся красота суровой зимы. Невозможно описать словами те чувства и эмоции, которые испытываешь, идя в школу. Лишь свет уличных фонарей освещает тебе путь. Возвращаясь из школы, я всегда обращал внимание на то, как их свет позволял увидеть падающие снежинки, завораживающие взгляд. А если уйти от искусственного света, оставив лишь одинокую луну, укутанную густыми облаками, можно увидеть невероятное северное сияние. Оно содержит глубокие оттенки фиолетового, зеленого и синего цветов, переливаясь и смешиваясь. Смотря на него, можно подумать, что это что-то за гранью реальности, как будто ты уже не в этом мире. Поэтому северное сияние скрывается, желая показать свою красоту лишь тем, кто действительно хочет её увидеть.

Но с приближением февраля солнце начинает постепенно появляться из-за гор, помогая сменить суровую зиму на не менее красивую весну. В этот момент снег тает, образуя маленькие ручейки воды. Деревья и цветы оживают, обретая изумрудный цвет.

А с началом лета солнце вовсе не покидает нас, оно дарит радость и энергию, грея душу на протяжении всего теплого периода.

Природу севера можно описать как жизнь медведя: летом ты активен и радуешься теплому солнцу, а затем готовишься к суровой зиме, запасаясь всем необходимым. Фауна на севере в принципе уникальна; не в каждом регионе ты встретишь лис, медведей и кабанов, странствующих по сопкам. Тех же медведей можно заметить перед началом зимы, когда они ищут пропитание в этот нелегкий период.

Для каждого Север может иметь разное значение, но для меня – это место, в которое я всегда могу вернуться, это мой дом. Место, красоту которого нельзя сравнить ни с чем другим.

Плахова Марина, *ИРИТ, 25-ИВТ-5*

Я хочу рассказать о своей малой родине – небольшом, но уютном уголке, который хранит в себе богатую историю, а именно о Сеченовском районе в Нижегородской области, где я родилась и выросла. Само село Тёплый стан – ныне Сеченово – является местом рождения известного русского учёного-медика Ивана Михайловича Сеченова. Имя Ивана Михайловича живёт в названии переулка в Москве, премии Академии медицинских наук, даже кратера на Луне и астероида. Его именем назван 1-й Московский государственный медицинский институт, перед которым установлен памятник выдающемуся учёному. Также он является создателем лекций «Физиология нервной системы», обосновал рефлексы головного мозга и доказал физиологические критерии для установки длительности рабочего дня. Учёный создал первую всероссийскую физиологическую школу, ввёл в преподавание демонстрацию экспериментов; его именем назван коэффициент Сеченова.

Село Тёплый Стан основано в 1552 году Иваном Грозным во время похода на Казань. По преданию, после долгой ненастной погоды перед десятой остановкой стало тепло и солнечно, поэтому место получило название Тёплый Стан. Заселение началось в XVI веке. Село Сеченово известно как родина многих учёных и деятелей культуры. Историю его развития связывают с родом Сеченовых.

Первым владельцем был Осип Ермолов, который перед смертью постригся в монахи и подарил часть поместья монастырю, а остальное разделил между сыновьями. Его сын Родион пытался переименовать село, но безуспешно. Позже часть земель перешла роду Сеченовых, другая дробилась между наследниками Ермоловых. В 1752 году Фёдор Ермолов вновь объединил теплостанские владения, а после его смерти имение унаследовал сын Нил. Его дочь Елизавета получила землю в приданое, и вторая половина села перешла к Филатовым.

Сеченовы и Филатовы долгое время не ладили, однако после 1839 года семьи сблизились и породнились. В 1830 году в селе построили каменную четырёхпрестольную церковь.

С Тёплым Станом связаны детские годы трёх братьев Ляпуновых: Сергея Михайловича – известного композитора, Александра Михайловича – знаменитого

математика и Бориса Михайловича – выдающегося лингвиста, слависта, академика АН СССР. Рядом, в небольшом поместье, жил их родственник Алексей Николаевич Крылов – известный математик, кораблестроитель, Герой Социалистического Труда.

До 1929 года Тёплый Стан входил в Курмышский и Алатырский уезды Симбирской губернии. В 1929 году был создан Теплостанский район.

В годы Великой Отечественной войны на войну ушло 15 737 теплостанцев. Четырёх Героев Советского Союза дала теплостанская земля: Ф.С. Культин, В.А. Митряев, И.Ф. Андреев, Д.А. Косов.

В 1945 году Президиумом Верховного Совета Российской Федерации село переименовали в Сеченово в честь И.М. Сеченова.

С 1983 года развитие села связано со строительством газокомпрессорной станции КС-24. Вокруг неё вырос посёлок, село расширилось, появились дополнительные социальные объекты – детский сад, школа, дом культуры, спорткомплекс и бассейн.

Так как Сеченово – родина знаменитого русского физиолога И.М. Сеченова, в селе есть краеведческий музей имени И.М. Сеченова, а на площади Советской установлен бюст выдающемуся земляку. В 2007 году около спорткомплекса в с. Сеченово установлен бюст ещё одному земляку – великому русскому борцу и авиатору И.М. Заикину.

Сеченовская земля богата целебными источниками, что позволяет активно развивать туризм и паломничество. На границе с Мордовией расположено одно из паломнических мест – Старцев Угол (бывшая Спасо-Преображенская пустынь). В Старцевом Углу имеется несколько целебных источников. Целебные источники имеются также около села Болтинка (Болти́нский родник). Вода из Болтинского родника используется для промышленного производства питьевой воды.

Не менее интересным в Сеченовском районе является село Верхнее Талызино. За ратные подвиги и многие службы Иван Грозный в 1553 году пожаловал Семена Талызина землями, ныне находящимися в Сеченовском районе Нижегородской области, где он основал поместье, вошедшее в историю нашего края под названием село Талызино, потом Большое, далее – Базарное и, наконец, Торговое. Дальше произошёл акт разделения Верхнего и Торгового Талызина. Во второй половине XVII века Верхнее и Торговое Талызино принадлежали Василию Лукьяновичу Талызину, сподвижнику Петра I. Родословное древо Талызиных очень разветвленное. Они имели крупные поместья в Новгородской, Ярославской, Московской, Владимирской, Нижегородской и Симбирской губерниях. Село было разбито на три части. Они принадлежали помещикам Пашкову, Есипову и Шильникову. Пашков являлся представителем могущественного рода богатейших людей Российской империи. Один из членов семейства был заказчиком и первым владельцем дома Пашкова в Москве – знаменитого памятника архитектуры, создателем которого был В.И. Баженов. У каждого барина на земле была церковь, но до сегодняшнего дня сохранилась только одна – церковь Александра Невского, архитектором которой тоже был В.И. Баженов.

В селе Верхнее Талызино существует родник Вознесенский Ключ, пользующийся популярностью у жителей района.

Село славится своим известным земляком Иваном Михайловичем Заикиным. Заикин стал профессиональным атлетом и борцом. В 1904 году выиграл чемпионат России по тяжёлой атлетике. Затем – профессиональная борьба, гастроли, выступления в цирке и ошеломляющие трюки: носил на плечах 25-пудовый якорь, таскал бочки, выдерживал проезд автомобиля по своему телу… Публике это казалось чудом.

В Сеченовском районе в 1931 году была основана районная газета «Борьба». Она выходит и сегодня, имеет формат интернет-издания. На полосах газеты освещаются политические, сельскохозяйственные, экономические, социально-бытовые темы, а также проблемы культуры, образования, молодёжного досуга, спорта.

Помимо церкви Александра Невского в районе также есть церковь Иконы Богоматери, Вознесенская церковь, Красноостровская мечеть.

Таким образом, Сеченовский район связан с важными историческими событиями и личностями.

Кравченко София, *ИРИТ, 25-ИСТ-4-2*

Я хочу рассказать вам про мой родной город Хабаровск. Это «город на краю» страны. Если встать на берегу, можно увидеть, как вдаль простирается великая река Амур, а за ней виднеется Китай. Мой родной город был основан совсем недавно, по сравнению с другими городами. Архитектура его вполне европейская, в нем множество красивых домов и зелёных парков.

Хочу поделиться с вами моими впечатлениями и мыслями об этом городе. Первое, на что бы я обратила внимание – это горы. Вокруг горная местность, которая покрыта лесом. Всю красоту этой картины не сможет передать даже самый искусный поэт или талантливый художник. Когда я поднималась в горы, открывался потрясающий вид на реку, лесные озера, поля, дома. Все выглядело таким незначительным и одновременно величественным. От такой картины дух захватывало! А когда закатное золотое солнце опускалось на край горизонта, меня охватывало чувство невероятного спокойствия, будто бы весь мир перед глазами. Все проблемы становятся незначительными, когда остаешься наедине с природой.

Что ж, мы с вами побывали в горах, пришло время спуститься на пирс у реки Амур. В нашем крае рыболовство и судоходство – неотъемлемые части жизни населения. Запахи рыбы и соли, долетающие с моря на границы нашего края, хорошо знакомы хабаровчанам. Я помню время, когда мы ходили на пристань и там ловили и готовили на месте свежую рыбу. Вдоль реки Амур – густые заросли вербы, и когда она распускается, все вокруг становится таким уютным! А вечером, перед Вербным воскресеньем, можно увидеть людей, которые собирают там веточки. Однако если Вы захотите заняться этим делом, дам совет бывалого человека: будьте очень осторожны, берег крут!

Хабаровск полон морской атмосферой, сложно застать время, когда на реке не было бы кораблей. Известна строчка из песни: «Вдоль Амура белым парусом высятся

дома Хабаровска». Дома светлых оттенков действительно можно спутать с парусами. Воздух в городе очень влажный, и для неподготовленных людей даже тяжёлый. Летом бывает трудновато дышать.

Еще одна особенность города – погода летом может быть выше 40 градусов, тогда жить без блага цивилизации – то есть кондиционера – просто невозможно. Зато самое время вернуться к лесным озерам. Вода в тени деревьев приятно охлаждает, а как весело прыгать в озеро с тарзанки! В наших лесах можно встретить разных животных, я часто видела белок и кукушек. Но иногда можно увидеть и неожиданного зверя, например, корову в глухом лесу (что она там делала – история умалчивает). Представьте лица нашей компании, когда что-то большое с шумом двигается сюда напролом через заросли, а за спинами уже обрыв… Больше на то место мы не ходили, ибо адреналина хватило.

А вот зимой в Хабаровске температура тоже 40 градусов, только уже со знаком минус. Зима долгая, суровая, с колючими сибирскими морозами. Но именно в этом вся её магия. Снег от таких морозов блестел и приятно скрипел под ногами. Парки украшали ледяными скульптурами, наполняли их монетками, блестками или цветами. Они были разной высоты, от крохотных фигурок до четырехметровых гигантов. Снега выпадало много, в детстве мы строили туннели в снегу, а самая популярная игра – «царь горы». Были в морозах и свои плюсы: занятия в школе часто отменяли, ибо иногда даже выйти из дому из-за снега не получалось.

До основания Хабаровска эту территорию населяли разные народы, и их история не была забыта. На берегу Амура можно найти скалы, и на этих камнях встречаются знаки и рисунки прошлого. Стоят музеи, которые напоминают нам о тех, кто был здесь до нас, мне очень нравились амулеты из этих музеев. У меня даже есть несколько сувенирных амулетов на память. Те, кто жили задолго до нас, делали себе доспехи из чешуи рыбы. Всё в Хабаровске так или иначе имеет отношение к реке.

Я бы также посоветовала посетить набережную адмирала Невельского, на которой стоит много забавных статуй, изображающих персонажей советских мультфильмов. Там же можно встретить много интересного, например, уличных художников.

Этот город навсегда останется частью меня, его пейзажи все так же будут волновать мою душу, и я буду с теплотой вспоминать этот город на Амуре, в надежде, что память сохранит и не затуманит эти прекрасные мгновенья.

Карпова Алина, *ИЯЭиТФ, 25-ОСС*

Сейчас мне кажется, что мир состоит из бушующих волн и звуков природы. Лет десять назад я думала, что путешествия – это числа в календаре и фотки в инстаграме, пока мой папа не нашел для себя новое хобби – яхтинг.

И мы отправились вместе с семьей в путешествие на катере по Волге от Нижнего Новгорода до Азовского моря. Звучит как фантастика, но это – реальность. Для меня каждый город на пути стал новым открытием…

Как помню, две тысячи двадцатый год, «Covid-19», середина июня, утро, теплый

ветер, мы вышли из Нижнего Новгорода. Волга, как лента, к которой «пришиты» города, при этом по ней течет память поколений. Город за городом, причал за причалом, холм за холмом и затон за затоном. Все, что мы видим и слышим на пути, – это негромкий шум мотора, волн, бьющихся о корму, голоса чаек, гул ветра на носу яхты и не палящее солнце, блестящее на воде. Вопрос появляется сам собой: какие загадки прячут берега, которые мы проходим?

Я смотрю на воду и понимаю, что мы с ней еще надолго, ведь идти до Азова – два месяца! Кстово, Чебоксары, Марий-Эл, Казань, Ульяновск, Тольятти, Самара, Саратов, Волгоград, а тут уже и Дон – река, у которой течение быстрее Волги. Уже Ростов-на-Дону, и наконец Приморско-Ахтарск. Конечная остановка для катера. А мы уже в Краснодаре, гуляем по парку Галицкого, наблюдая за карпами кои в пруду. Забавно, мы Карповы, а катер – «Карпико».

Каждый город на Волге – как новый экскурсовод. Чебоксары стоят на семи холмах, а под землей течет скрытая река; Тольятти – город, чья история лежит на дне Жигулевского моря; Самара – город с глубокой впадиной, от которой зависят природные особенности…

По пути вода учила меня терпению, ведь время на воде идёт по-другому: медленно и вдумчиво. Мы останавливались в каждом городе не ради фотки, а ради того, чтобы впитать в себя, как губка, историю и особенности места: запахи, щебетание птиц над крышами и холод металла на каждом причале. Мы записывали все наши шаги и действия на публику – выкладывали в истории социальных сетей, чтобы показать людям, как можно открывать для себя природу России. Делились с людьми атмосферой: как волна бьется о борт нашего корабля, как чайник гудит в кокпите…

Когда мы дошли до Азовского моря, казалось, что это конец, конец нашего путешествия, но я знала, что теперь это начало нашего похода по суше. Природа Крыма для меня – что-то совершенно особое: Ялта образовалась в результате масштабного смещения горных пород, а не тектонических процессов, как большинство других бухт Крыма; Балаклава – двухслойная бухта, имеющая невидимую реку под водой. Это не просто пригород Севастополя, а сочетание бухты-каньона, сосен, окаменелых рифов и пляжей из яшмы, что очень необычно; Севастополь – место, где в один день можно искупаться в море и прогуляться по склонам древнейшего вулкана.

Мы рассказывали в своем блоге о нашем путешествии про реальное, настоящее, живое. О нас писали в газете «Правда-НН», в социальных сетях люди делали репосты в свои истории. А нам будет что вспомнить: вместо кофе дома на кухне – прыжок с катера в прохладную воду Волги, вместо шума соседей в нашем многоквартирном доме – кваканье лягушек в затоне, где мы останавливались переночевать, а тот самый горизонт, где небо встречается с водой…

И до сих пор волна напоминает мне о смелости идти дальше.

Лезин Федор, *ИЯЭиТФ, С24-АЭ*

Наше путешествие в Мурманск началось ранним утром в Санкт-Петербурге. Автобус был переполнен студентами с сумками и хорошим настроением. Первые часы

пути пролетели незаметно – за окном мелькали незнакомые пейзажи Ленинградской области: смешанные леса, поля, небольшие деревеньки. Но чем дальше мы двигались на север, тем больше менялся вид за окном автобуса.

На пути остановок было немного. Мне вспоминается одна из таких, в селе Паша. После нее природу будто подменили, она стала более суровой. Леса становились реже, деревья – ниже. Появились огромные валуны, оставленные древними ледниками. Населенных пунктов стало меньше, если бы не было дороги, эти земли можно было бы считать нетронутыми человеком. Проезжая республику Карелия, мы впервые увидели настоящие северные озера – холодные, глубокие, с прозрачной водой и каменистыми берегами. Временами дорога шла вдоль берегов Ладожского и Онежского озер, и тогда в окнах автобуса открывались потрясающие виды на водную гладь. Пересекая границу Мурманской области, я почувствовал, как меняется воздух, он стал более свежим, с легким морским привкусом. Здесь уже вовсю чувствовалось дыхание Баренцева моря. Пейзажи стали еще более впечатляющими: невысокие горные холмы, заросшие карликовой березой и соснами, многочисленные реки с чистейшей водой, бескрайние просторы тундры. Особенно поразили меня небольшие каменные горки. Их склоны были покрыты разноцветными мхами и лишайниками. В низинах между валунами блестели многочисленные озера и речушки.

По мере приближения к Мурманску стало заметно, что растительность становится все менее разнообразной – деревья практически исчезли, уступив место кустарникам и мхам. Отдельного внимания заслуживают немногочисленные леса в окрестностях Мурманска, где преобладают сосны и ели. Деревья здесь невысокие, с искривленными стволами – результат постоянной борьбы с сильными ветрами. Особенно поразило меня обилие ягод: голубики, морошки, брусники. Мне удалось попробовать чай из этих ягод, который зарядил меня энергией на всю оставшуюся поездку. Почва в лесу покрыта толстым слоем мхов и лишайников, среди которых выделяется ягель – основной корм северных оленей. Местные жители придумали, как использовать ягель в пищу людям. Они делают из него чипсы, которые я купил как сувенир для своих родственников. Проведя всего пару дней в этих местах, я смог по-настоящему прочувствовать уникальность мурманской природы. Здесь все подчинено суровым северным условиям: низкие температуры, сильные ветра, длинная зима и короткое лето. Растения и животные выработали удивительные приспособления для выживания в этом климате. Особенно интересным оказался феномен белых ночей. В июне солнце практически не заходит за горизонт, создавая удивительное освещение. Из-за этого казалось, что день не закончился, и мне было сложно заснуть. Это явление произвело на меня незабываемое впечатление.

Поездка в Мурманск стала для меня настоящим открытием северной природы России. Я увидел удивительные ландшафты, познакомился с уникальными экосистемами и по-новому оценил красоту и мощь северной природы. Эта поездка подарила мне много незабываемых мгновений, которые останутся со мной на всю жизнь.

Сироткин Дмитрий, *ИРИТ, 25-ИВТ-5*

Я хотел бы рассказать вам о чудесном по всем характеристикам регионе России, у которого скоро юбилей – 80 лет с момента присоединения к России, что делает это эссе особенно актуальным. Калининградская область, или, как она называлась до 4 июля 1946 года, Кёнигсберг, является одним из субъектов Российской Федерации, а также её самым западным уголком. Она не имеет границ с остальной частью страны, но соединена с ней с помощью выхода в Балтийское море, таким образом, её можно назвать полуэксклавом. Это особенность считается уникальной для России. Калининградская область расположена между Польшей и Литвой. Главная причина, почему регион считается особенным, заключается в том, что данная территория до 1945 года не входила в состав России. Калининградская область – пример того, как земля может пройти путь от чужого прошлого к новой реальности, не отрицая особенности каждого этапа, а дополняя их с каждым новым витком в истории.

Я был очень удивлён, когда узнал, что Калининград раньше именовали Кёнигсбергом; мне показалось это инородным. И правда, тяжело уложить в голове, что место, которое наполнено русскими надписями, раньше было сердцем Пруссии, землёй, где немцы жили и учились. Всё началось, когда Тевтонский орден пришёл сюда ради земли и власти, скрывая истинные цели под видом благой миссии «обратить язычников в христианство». В 1255 году они основали Кёнигсберг в честь чешского короля, который помог им в походе. После этого город начал расти как часть Пруссии, затем как один из важнейших центров Германии. Здесь жизнь шла полным ходом: люди учились, росли, писали книги... Философа Иммануила Канта можно назвать главной и особой гордостью Кёнигсберга. Сегодня даже можно посетить его могилу в Кафедральном соборе, где она напоминает нам, что даже в небольшом уголке мира может родиться мысль, способная изменить человечество.

Но всё это величие исчезло в 1945 году, когда это место стало ареной жестоких боёв в последние месяцы Второй мировой войны. К апрелю всё лежало в руинах. Немецкое население либо погибло, либо сбежало, либо было выслано. Город оказался полностью пустым. А уже в 1946 году ему дали новое имя – Калининград, в честь советского деятеля Михаила Калинина. Появились новые советские жители – переселенцы из центральной России, Украины, Беларуси. Их отправили, даже не сказав, куда они поедут. Началось заселение и возрождение полуразрушенной территории. Прошлое старались стереть: немецкие названия убирали, остатки кирпичной готики сносили. Город стал закрытым, военным. Попасть сюда обычному советскому человеку было практически невозможно.

В 1991 году, после распада СССР, Калининград остался один на один с Европой, отрезанный от России, но уже не чужой для неё. В это тяжелое время люди проявили интерес к земле как к собственному дому. Стали восстанавливать разрушенную культуру, открывать музеи... Сегодня Калининград – как человек с «двойной памятью»: он помнит не только кем он был, но и знает, кем он стал.

Сегодня, если приехать в Калининград, легко почувствовать эту двойственность. С одной стороны – панельные дома, широкие проспекты, русские вывески: «Продукты», «Парикмахерская» и прочее. С другой – гуляя, можно увидеть старинные

кирпичные башни, сохранившиеся со времен Тевтонского ордена, или величественный силуэт Кафедрального собора. Эти фрагменты прошлого живут здесь и не вызывают отторжения. Регион также славится своим «янтарным наследием». В Калининградской области добывается почти вся доля янтаря в мире – примерно 90 %. В городе даже есть Музей янтаря, где можно увидеть не только красивые камни, но и доисторических насекомых, сохранившихся спустя миллионы лет. В музее также представлена стилизованная реконструкция элементов знаменитой Янтарной комнаты – дань памяти утраченному сокровищу, символ того, что даже разрушенное прошлое можно частично вернуть. Эта инсталляция – символ надежды, что даже если прошлое утрачено, его можно восстановить. Самое интересное – это люди, потомки тех самых переселенцев. Люди не имели корней в Пруссии, но за 80 лет они создали здесь родину. Они не боятся немецкого прошлого, а ходят на экскурсии по старому Кёнигсбергу, читают о его истории. Это не ностальгия по чужой истории, а попытка понять, какой была их земля до них, чтобы понять, как она изменилась при них. Главная культурная ценность Калининградской области заключается именно в этом. Калининград – это не просто обычный город. Это место, где память собирают, как пазл, из разных кусочков. И чем их больше, тем ярче получается картина.

Когда я писал об этом месте, я совершил открытие. Я думал, что Калининград – просто какая-то западная окраина России. Но как же я ошибался! Это не окраина, а мост, который соединяет эпохи, культуры, память и надежду. И в юбилей присоединения важно помнить, что быть частью России – значит не только говорить на одном языке, но и уметь слушать разные мысли – голоса своей земли. Потому что только так из множества кусочков складывается единое, нерушимое целое.

Молодцова Анна, *ИЯЭиТФ, 25-ОСС*

ЧТО Я ДЕЛАЮ ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ ЭКОЛОГИИ МОЕЙ РОДИНЫ?

Я родилась в маленьком городке, затерявшемся среди бескрайних лесов. Жизнь нашего города и его жителей испокон веков зависит от леса. Мой папа работает лесником, поэтому эта тема мне очень знакома. Часто, глядя на новости о масштабных лесных пожарах или вырубке тысяч гектаров тайги, я чувствовала себя бессильной. Кажется, что я, один человек, ничего не могу изменить. Мои усилия – это капля в море. Но потом я понимаю, что море как раз и состоит из таких капель. И я решила посмотреть, что же это за «капли» в моей жизни, особенно в контексте той проблемы, которую я видела каждый день.

Я с детства знаю, как происходит вырубка леса. Такие понятия, как делянка и санитарная рубка, мне знакомы, и я знаю, какой вред они несут для экологии.

Но я также видела и другую сторону его работы – работу созидания. Лесхоз, в котором трудится папа, не только вырубает больные и старые деревья, но и активно занимается посадкой новых. Каждую весну я вижу, как он с коллегами отправляется с мешками саженцев сосны и ели на бывшие вырубки. Они не просто «заращивают» раны на теле планеты, они дают ей новую жизнь. Папа говорит: «Лес – это живой

организм. Если ты взял одно дерево, ты должен посадить три». Эта мысль стала для меня главным уроком.

Я поняла, что не могу оставаться в стороне, и решила стать одной из тех самых «капель», внося свой маленький вклад. Теперь я стараюсь помогать, чем могу: участвую в волонтерских акциях по уборке леса, а в выходные иногда присоединяюсь к папе и его коллегам, чтобы помочь в посадке молодых саженцев. Конечно, моя помощь невелика – я не могу одна восстановить гектары леса. Но когда видишь, как на месте старой вырубки поднимаются хрупкие зеленые побеги, которые однажды станут могучими деревьями, исчезают все сомнения.

Так что же я делаю для улучшения экологии своей Родины? Я убираю мусор и участвую в посадке нового леса. Я верю, что каждый посаженный саженец и каждый очищенный от мусора гектар леса – это вклад в наше общее будущее. И если таких «капель», как я, будет много, то вместе мы сможем сохранить это «море» – наш живой, дышащий и бесценный лес.

Плотников Анатолий, *ИНЭЛ, 25-Э-5*

Что я делаю для улучшения экологии моей Родины? Этот вопрос, стоит его задать вслух, повисает в воздухе, требуя громких, героических ответов. Мы представляем мешки мусора, высаженные гектары леса. На фоне этого мои личные действия кажутся каплей в море. Я не спасаю планету. Я веду с ней ежедневные переговоры. Заключаю маленькие договора, скрепленные тихим осознанным выбором.

Первый и главный договор – «Договор о ненападении на ландшафт». Моя Родина – это конкретная берёза под окном, тропинка в ближайшем лесу. Я иду по ней, и в кармане у меня заветный скрипучий пакет. Не для сбора чужого мусора, а чтобы мой собственный огрызок или фантик не стал чьим-то неприятным открытием. Это не подвиг. Это молчаливое рукопожатие с лесом. Я прошел по его земле и не оставил ему своих проблем. Разве это не основа уважения?

А дома я экономно расходую свет и воду. Воду из-под крана я мысленно называю «жидким серебром». Каждая капля – это энергия насосов, труд инженеров. Закручивая кран, пока чищу зубы, я слышу победное тиканье — будто кассир в банке Вселенной поставил положительный штамп на моём счету. «Расход в норме». То же с электричеством. Выключатель – это шлюз. Щелчок вверх – и в дом впускается свет, рожденный где-то далеко. Щелчок вниз – и я этот шлюз закрываю, экономя не абстрактные киловатты, а чьи-то реальные усилия.

Но самый сложный договор – «Договор о перемирии с Вещами». Мы живем в эпоху одержимости обладанием. Покупаем, используем, выбрасываем. Я пытаюсь замедлить этот бег. Старая футболка становится не тряпкой, а материалом для новой истории. Сломанный стул – вызов моим скромным навыкам реставратора. Каждая вещь, чей срок службы я продлеваю, – это мой личный вызов культу одноразовости. Это шепот на фоне всеобщего крика: «Остановись! Этому ещё можно дать шанс!».

И, конечно, «Договор о просвещении без менторства». Я не читаю лекций скучающим слушателям. Но когда дарю племяннику сертификат на посадку собственного дерева – это мое незаметное послание. Когда предлагаю друзьям сходить не в бар, а на субботник в формате

плоггинга, и это оказывается приключением — я сею семена. Они могут прорасти, а могут и нет. Но я бросаю их в почву, а не в гранитную стену безразличия.

Так что же я делаю для улучшения экологии моей Родины? Я не останавливаю заводы. Но я строю в своем микромире экономику замкнутого цикла. Я не изобретаю технологии спасения, но бережно разношу по счетам планетарного банка свои крохи – сэкономленную воду и сохраненную вещь. Моя Родина становится чище на моём столе, в моём мусорном ведре, на моей тропинке.

Рубцова Юлия, *ИЯЭиТФ, 24-ТС*

Мой родной Сергач – город тихий, с уютными улочками и старинными домами. Но главное его богатство – это природа: леса, поля и, конечно, река Пьяна, где я впервые почувствовала себя частью большого живого мира.

Помню, как папа брал меня маленькую на рыбалку. Он молча раскладывал снасти, а я, затаив дыхание, следила, как поплавок замирает на зеркальной поверхности. Тогда я не задумывалась об экологии.

Мама часто составляла нам компанию. Она не ловила рыбу, но её присутствие наполняло эти утренние вылазки особым теплом. Мама приносила с собой термос с душистым чаем, свежие булочки и плед – на случай, если станет прохладно. Устроившись на берегу, она любовалась пейзажами и тихонько делилась со мной наблюдениями:

– Посмотри вокруг: природа раскрывает перед нами настоящую сказку. Вот кувшинки на воде: каждая словно маленькая лодка с золотистым огоньком внутри – это солнце отражается в их сердцевинах. А чуть поодаль на травинке сидит стрекоза – будто драгоценный камень с крыльями, переливающийся на солнце всеми цветами. А река… Посмотри, как она обнимает этот берег: то прижимается ближе, то отступает, словно дышит вместе с землёй. В каждом мгновении – чудо, в каждой детали – волшебство, если только остановиться и внимательно посмотреть.

Я впитывала каждое её слово. Мама умела замечать то, что ускользало от моего детского взгляда: причудливую форму облака, узор ивовых ветвей на фоне неба, переливы цвета в оперении утки, проплывающей мимо. Она рассказывала, какие травы растут на берегу, почему стрекозы садятся на определённые растения, как меняется река в разные времена года.

А потом мы вместе пили чай, слушая симфонию природы: журчание воды, птичьи трели, шелест листвы. Мама смеялась, когда я восторженно показывала ей первую пойманную рыбку, а папа с гордостью кивал, глядя на мою сосредоточенность.

Эти моменты стали для меня сокровищем:

– папина молчаливая сосредоточенность у воды;

– мамина нежная внимательность к каждой детали окружающего мира;

– моё детское восхищение всем этим великолепием.

Сейчас, спустя годы, я понимаю: именно тогда, между маминими рассказами о природе и папиными уроками бережного обращения с рыбой, во мне зародилась настоящая любовь к родному краю.

Теперь я неосознанно следую тому, чему научились от родителей: убираю чужой мусор – как папа учил относиться к природе с уважением; замираю, чтобы

полюбоваться закатом или послушать пение птиц – как мама помогала оценить красоту мгновения; передаю эти знания младшим – чтобы традиция заботы о природе продолжала жить.

Экология для меня – это не просто правила и действия. Это память о трёх фигурах на берегу реки: о папе с удочкой, о маме с термосом чая и о маленькой девочке, которая училась видеть и любить мир вокруг. Это наследие, которое я бережно храню и передаю дальше.

Кузин Даниил, *ИНЭЛ, 25-Э-4*

Родина – это наш общий дом, а не просто место проживания. Люди во время прогулок по городу веселятся, расслабляются и часто оставляют «раны» на теле земли в виде бутылок и прочего мусора.

Как-то в деревне я решил съездить на речку порыбачить. В тот день улов вообще не шёл, к тому же я сломал удочку. Я, опечаленный, собрался идти домой и вижу: два больших пакета с мусором. Их оставила компания электриков, отмечавшая получение премии. Я и так был очень зол, а этот мусор окончательно вывел меня из себя. Возникло желание просто швырнуть его в речку, чтобы таким образом сбросить весь негатив. Мыслей убрать за ними у меня не было – ведь мусор не мой, значит, и убирать я не должен. Я уже подошёл к этим мешкам, взял в руки – и меня будто осенило.

Представил картину: плывёт рыбка в реке, ищет мальков для пропитания, и тут её сверху придавливает мусорный мешок, брошенный мной. А эту рыбку я мог бы выловить и пожарить на костре. Тут я поставил мешок на место и задумался ещё больше. И вдруг слышу голосок, который произнёс: «Не мусори в моём доме, я же не мусорю в твоём». Я осмотрелся – вижу, окунь высунулся из воды и смотрит прямо на меня. Я решил, что это у меня от переутомления после экзаменов «фляга свистит», но послушал окуня, взял мешок и потащил его в сторону дома, выбросил в мусорный контейнер. Я проанализировал слова той рыбы и пришёл к выводу, что мусор не мой, но убрать его необходимо. Вдруг он придавит какую-нибудь букашку или загрязнит почву при разложении? А это загрязнение распространится на сотни метров, доберётся до моего огорода, и не полакомлюсь я тогда своей любимой клубникой! А клубнику я очень люблю, как панда – бамбук.

С тех пор я даже в городе стараюсь убирать мусор не только за собой, но и тот, что брошен на улице или на лавочке. Вдруг на этот раз со мной заговорит уже не рыбка, а птичка, которая хотела поклевать заплесневелый кусок булки, недоеденный пятиклассниками, а в итоге отравилась и погибла. Снова же покажется, что у меня «крыша едет», буду переживать...

ПРОБА ПЕРА

Стихи и рассказы

***Антонов Илья**, ИЯЭиТФ, 24-ЯР*

***

Я житель прекрасной Центральной России,
Родился и вырос я в этом краю.
Закаты над Нижним и волжские сини
Я с самого детства всем сердцем люблю.

Но жил почему-то всегда ожиданьем
Своими глазами на Север взглянуть.
Увидеть прекрасное чудо-сиянье
И чистый арктический воздух вдохнуть.

И вот в октябре позапрошлого года
Моё пожелание всё же сбылось,
Ведь Арктика мне приоткрыла ворота,
И в Мурманске мне побывать удалось.

И встретил меня этот северный город
Суровой и важной своей красотой,
Открыв белоснежные тундры просторы
И сопки, и дали, и ветер морской.

В Териберке видел небесное чудо –
Сияние было в полночной тиши,
Как будто сверкал миллион изумрудов,
Играющих танго на струнах души.

В суровой природе своя грандиозность.
Здесь волны и вечность друг друга нашли,
И всё это было похоже на космос,
И даже мурашки по коже пошли!

Здесь все северяне – особые люди.
Есть в городе лозунг: «На Севере жить!».
А он означает: свой дом они любят
И краем умеют своим дорожить.

Я видел с горы, как закаты алели,
Огни ледоколов, готовых отплыть.
Красоты Авроры мне душу согрели
И их никогда не смогу я забыть!

***Соколова Тамара**, ИНЭЛ, 25-Э-2*

***

Все устремляются на юг толпою,
Где волны тёплые ласкают берега.
А я иду полярною тропою,
Где дышит вечная в душе пурга.
Меня манит не пляжный шумный отдых,
А тишина снегов на сотни миль.
И в небесах мерцающий холодный
Сияньем месяц путь нам осветил.
Ведь тут в полярную ночную тьму
Спускается особенная тишь.
И понимаешь вдруг – всему
Душа откроется, едва услышь.
Ну а ещё – у ледяного края,
Где время замедляет свой разбег,
Я становлюсь песчинкой малой рая
И вечности, что держится, как снег.
Пусть ищут все в тепле блаженство,
Под солнцем южным свой покой.
А я найду в морозах совершенство
И отогреюсь северной душой.
И если спросите – зачем туда стремлюсь я
В края, где холод правит целый год –
Тут обретает сердце созиданье.
С романтикою вместе – дух зовёт…

***Тюкалкина Ксения**, ИРИТ, 25-ИСТ-1-1*

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Ложится ночь на сосны нежно,
Приходит с тишиной покой.
В лесу и холодно, и снежно,
Такой чудесный край родной.

Скрипит в глуши валежник ветхий,
Дремучий занавес поник.
Лишь дятел, местный гость нередкий,
Стучит, не дремлет озорник.

Ах, как спокойно в белом царстве:
Повсюду блеск луны и звезд.
И стужа не помеха братству,
Печальных дальних двух борозд.

Лишь сохранит убранство чащи,
Подушкой снега Мать-зима,
Приходит пусть сюда почаще,
Сиянья бледного кайма.

***Орехов Ярослав**, ИРИТ, 25-СИБ*

***

В сиянье северном, в морозной тишине,
Где льды хранят веков земные тайны,
Я вижу Арктику – свободной, как во сне,
И мирной, и живой, невероятно славной.

Пускай метели шепчут древний свой рассказ,
Пусть айсберги плывут, величием сверкая –
Природа будущего нежно смотрит в нас,
В руках людей хранится сила ледяная.

Я вижу времена, где мы вдали тревог
Сумеем сохранить то хрупкое начало,
Где каждый выполнит перед природой долг,
Чтоб Арктика дышала, не страдала.

Пусть белый зверь свободно ходит там,
Пусть тундра оживает, не сгорая,
И свет неровный по полярным небесам
Горит, как будущего искра золотая.

***Поторочин Илья**, ИРИТ, 25-ИСТ-4-1*

***

В один из повседневных дней,
Как только стало холодней,
Снег падал, хлопьями крутя,
Мечту из детства вспомнил я,
Когда ещё совсем мальчишкой
Достичь земли хотел неблизкой,
Земли такой, что удивит любого
Покровом белым, и крутого
Обрыва к Баренцеву морю
Нельзя объять единым взором,
А льды морские месяцами
Дрейфуют плавно меж волнами,
И небо рвётся в ночь слиянья
Сполохами северного сиянья,
О как прекрасна та мечта
Под дивным именем – Арктика!

Макарычева Анастасия, *ИЯЭиТФ, 24-АЭ*

ПОЕЗДКА

Собрав рюкзак и взяв билеты,
Отправилась на поезде в далёкие края,
В вагоне переполненном уехала на север,
Чего мне ждать, ещё не знала я.

В дороге мне кивали дремлющие сосны,
А следом за вагоном плыл туман.
И в небесах, как дым от папиросы,
Терялся след от гаснущих моих тревог и ран.

И первыми явились мне озёра,
И живописных водопадов сон,
Что отражали все небесные узоры,
От коих день чудесный был рождён.

А после были скалы-великаны,
Вздымающиеся из седой воды,
Могучие седые истуканы,
Хранящие неугасимой вечности следы.

Я заповедным тропам доверяла
Свой неуверенный и робкий шаг,
И тишина, как мама, обнимала,
Ласкала и рассеивала мрак.

Там, на закате, при пурпурном свете,
Застыли сосны, как в волшебном сне –
Им будто поручили быть в ответе
За то, что происходит на Земле.

Я увезла с собой не просто фото,
А внутренний покой, что обрела в тиши,
Чтоб в городе средь будничной работы
Светился ярко огонёк души.

Вот так и пролетели три недели.
Мой отпуск подошёл к концу.
Но не забыть мне удивительной Карелии,
Что повидала не во сне, а наяву.

***Ялышева Екатерина**, ИНЭЛ, 25-Э-5*

СЕВЕРНЫЙ ХАРАКТЕР

Им слава не важна́,
Им Арктика нужна́,
Как электронам ток,
Как воздуха глоток.

Им стужа не барьер,
Их мужество – пример.
Идут они на риск,
И это не каприз.

Их цель – познать себя,
Им слабым быть нельзя.
Там впереди снега́,
Природа к ним строга́.

Она не терпит слез,
Она грозит всерьез.
И жилы напряглись,
Но все же добрались!

И пройденный маршрут
Их честью назовут.
Сквозь время и века́,
Команда их крепка́.

Прогресс идет вперед,
Прогресс уже не ждет.
Спецтехника нужна,
Для Севера важна.

И вот опять в пути,
И тундра впереди.
«Бурлак» не подведет,
Почти везде пройдет.

Комфорт немного есть,
С комфортом можно есть.
Но в технике порой,
Бывает все же сбой.

И воздух как металл,
И вездеход их встал.
Им тундра не дает
Идти всегда вперед.

Как будто по пятам,
Как ветер по кустам,
Идет за ними дух,
И будоражит слух.

Но воля их сильна
И мужества полна,
Характер их стальной,
Все ж возвратит домой.

***Друзякин Илья,** ИПТМ, С25-АВ*

***

Наш инженер – создатель нового начала,
Он строит мир своим умом и верой.
В его работе разных трудностей немало.
И расцветёт трудом его далёкий Север.

Создаст он всё, что нужно, на века,
Всё выдержит, ведь он привык трудиться.
Его работа будет нелегка,
И Север инженеру покорится!

***Школьник Екатерина**, ИРИТ, 25-ИСТ-4-2*

***

На север я, пока все на юга.
Там словно ярче дышат звезды,
Там на лугах лежат снега,
И будто даже чище воздух.

Пускай бывает там пурга!
В ней тоже что-то есть такое…
Своя, особенная красота.
На севере – мне все родное.

Ковром раскинулась тайга.
Там в небо устремились сосны,
Верхушками почти задели облака!
А вдалеке оленя слышно поступь.

Чуть дальше тундра, что красива, но строга.
Конечно, тут не выживают розы.
Хотя суровые бывают холода,
Пробились карликовые ивы и березы.

И не нужны мне океанов берега!
Леса, снега – мои мечты и грёзы.
Мне по душе и тундра, и тайга.
Мне по душе российские морозы!

***Гонов Егор,** ИНЭЛ, 25-Э-6*

***

Все на юг, а я на – север,
Где тишина – как вечности дыхание,
Где свет звезды горит, не зная never,
И свет хранит забытое признание.

Там вьюга плачет тихо за скалою
И шепчет имя, ставшее святыней.
По северу иду, за светом, за тобою –
Не встречу я тебя ни утром, ни отныне.

Но всё ж – горит любовь моя во льдах,
И свет её – как чувства без ответа,
И белый блик тихонько гаснет в облаках,
Влюблённый в призрак северного света.

И я смирился: холод стал теплом,
Моя любовь хранит сияние рассвета.
И север дышит вечным серебром,
Где холод вечен, а душа – согрета.

Арлевич Владислав, *ИРИТ, 25-Р-1*

АРКТИКА – ДЛЯ СМЕЛЫХ!

Суровая Арктика смелых манит,
Просторы бескрайние, белый ледник.
Великий и властный живет регион.
Людей настоящих зовет к себе он!

Здесь трусам не место! Ленивым не мед!
Здесь кладезь науки, загадка живет…
Поморы свершали ходы на восток,
Здесь новые земли давали росток.

Дежнёв с Колымы смело шел сквозь пролив,
Всем путь с Ледовитого в Тихий открыв.
Здесь Толль себя льду посвятил и погиб.
Папанин на льдине дрейфующей жил.

Здесь люди отвагу свою проявляли.
Челюскинцев смело во льдинах спасали!
Здесь армия миру всему доказала:
Россия-то сильная наша Держава!

Сильны люди Севера духом и телом!
Отважны, упрямы и преданы делу!
И делать бы гвозди из этих людей,
То крепче и не было б в мире гвоздей!

Самофалов Никита, *ИРИТ, 25-Р-1*

***

Кто-то хочет в Италию
И пентхаус на юге.
Ну, а я же мечтаю
Кожей чувствовать вьюги!

Меня тянут сияние,
Тайны неба ночного,
Льда и снега мерцание,
Бодрый холод с порога!

Мне б пойти чуть дыша
Посмотреть на поля…
Чтоб согрелась душа –
Тут просторы, моря!

Острова, дух природы!
Люди, звери и птицы!
Здесь живут, здесь свобода!

И не нужно мне Ниццы,
Не нужны и Мальдивы,
И Дубая тематика!
Ведь в России красиво!
Ведь в России есть Арктика!

Шаронова Дарья, *ИРИТ, 25-ИВТ-2-2*

***

Карелия. Место, где время остановилось.
Вокруг бескрайние леса,
Зеркальные озёра и полноводные реки.
Природа здесь кажется вечной,
Но тишина бывает обманчива.
За спокойной холодной обложкой
Скрывается мистическая и таинственная гора Воттоваара.
Вознеслась она над лесами Карелии, словно в дымке седой
Со своей необычной судьбой,
Здесь эхо шагов растворяется в тишине.
Это место, где рождается множество догадок и тайн.
Найти ее можно,
Взбираясь ввысь по крутой дорожке,
Где позже подъем сменяется гладью высоких холмов.
Когда поднимаешься в гору,
Ощущение трепета охватывает все тело,
Появляется чувство легкого удушья, мимолетного страха,
Одновременно граничащего со спокойствием.
Из-за этого гору и называют местом силы, легенд и духов.
Лестница на горе, сооруженная из камня, ведет в никуда,
Хотя когда-то вела к огромному трону.
Всего тринадцать ступеней на ней –
Тринадцать шагов в пустоту
Являют обзор на чарующую красоту.
Лес, что изломан судьбой, скручен темной душой,
Где каждый изгиб – бездонный вопрос,
На который никто не знает ответа.
Он горел, притянув к себе молнию неба,
Теперь стоит на вершине горы, словно мертвый,
Молча, без пения птиц и шелеста ветра.
Эта тишина осязается присутствием,
Словно кто-то смотрит и ждет.
Лишь каменные сейды его окружают
Такие же мертвые и таинственные.
Стоят большие валуны на маленьких камнях,
Привлекая внимание людей и навевая вопросы:
Откуда взялись?
Кто принес и поставил?
Ударь по ним, почувствуешь вибрацию,
Будто пульсацию земли и древних времен,

Словно мелодию, распространяющуюся по всему телу.
На самой вершине горы находится водное око,
Хранит оно горы́ вековое молчанье,
А в сердце его – загадочный свет,
Что шепотом тайн наполняет рассвет,
Плетет кружева земного заклятья,
В ночи отражая звёздные тайны.
Природный амфитеатр распростерся вокруг –
Это место, где камни образуют круг,
Где время застыло в таинственном ожиданье,
Храня биографию древних эпох.
Здесь эхо столетий по склонам блуждает
И тайны веков всех собирает.
Воттоваара – это не просто гора,
Это место, где люди получают умиротворение,
Исцеление души окружающими красотами,
Разгадывают загадки прошлого,
Ищут ответы на свои вопросы
И просто наслаждаются видами вокруг.

Старшинов Кирилл, *ИРИТ, 25-Р-1*

***

Где зной не виден, виден только холод,
И где тобою движет только голод,
Где редко так щебечут птицы,
Где одиночеству не видно и границы.
Где слышен только лай собак в упряжке,
Где только снег скрипит в округе тяжко,
Где ночи длятся целые полгода,
Где против вас становится природа.
Лишь там рождается характер
Прочнее стали и прочней камней,
Он крепче всех морозов Арктики,
Мощнее льдов больших морей.
Такие люди – верные сыны
Земли, что с ними щедро поделилась
Своей суровостью, судьбе своей верны,
Сильны душой – мечта в них поселилась.
Такие люди – соль полярных вод,
Их подвиг – в каждом вздохе, в каждом шаге,
А их отвага – словно вечный лёд,
Не тает, не сдается, не ослабевает.

Смолин Кирилл, *ИРИТ, С24-РЭС*

***

Все на юг – к песчаным пляжам и солёному прибою,
А меня упрямо тянет за полярную черту.
Говорят, что вьюги злые, что метели беспокоят,
А я слышу – Север дышит, шепчет мне свою мечту.

Мне б пойти дорогой дальней, мимо тундры, елей снежных,
Где мороз рисует звёзды на окошках городков,
Где в сугробах прячут тайны камни, тропы травок нежных,
Где места такие силы, что не вымолвить без слов.

Полярная ночь укрывает мягким сумраком и тенью,
И хоть тьма вокруг густая – там своя живая нить:
То огонь в груди поднимет, то подарит восхищенье,
То напомнит, что порою нужно просто рядом быть.

А когда над тёмным небом вспыхнут всполохи сиянья,
Я стою, как первокурсник, что забыл все начинанья,
И гляжу, я, не моргая, будто жду большого знанья,
И ловлю ответы ветра, словно жизни предсказанья.

Так что едут пусть на юг – к солнцу, к пальмам, к лёгкой неге,
Мне же ближе снег хрустящий и суровая пурга!
Знаю я: через сугробы путь мой стелется на север,
Только там я слышу сердце. Только там поёт душа.

Бочкарева Елизавета*, ИРИТ, 25-ИВТ-5*

***

Все на юг, на солнца благодать,
Чтоб загар на коже золотой собрать.
Я – на север, в край морозов и чудес,
Где сугробы высотой как лес.

Здесь природа-мать – искусница и маг,
В жемчуга одела каждый ствол, овраг.
Ночь, сменив дневной уютный маскарад,
Зажигает в небе зелёный водопад.

Пылает изумруд, ликует бирюза,
Сжигая дотла все ночные небеса.
То вспыхнет, то погаснет, будто бы дыша,
Манящая, загадочная тишина.

Пусть у них – песок, жара, янтарь.
Мне подарен этот светлый дивный шар.
Север – сказка, полная отрад,
Лучший в мире магический наряд.

Лапырин Виктор, *ИЯЭиТФ, 25-ОСС*

***

Все на юг, а я на север!
Там хочу увидеть я
Красоту полярной ночи,
Льдов, снегов сияния!

Наша Родина большая.
Много в ней красивых мест.
Только в Арктике, блистая,
Разноцветный вырос лес!

Эти всполохи повсюду
Несказанной красоты.
Где ещё таким же чудом
Насладиться сможешь ты?

Перламутром небо светит,
Толстый снег лежит ковром.
Только белые медведи
Бродят по нему кругом.

Ледокол ломает лёд,
Покоряет грозный север.
Человек в тот край идёт
И в мечту свою он верит!

Арктика могучая!
Арктика прекрасная!
Но народу сильному
Будешь ты подвластная!

Станут ли помехою
Человеку мудрому
Те снега бескрайние
И морозы лютые?

Там алмазов россыпи,
Кладовые газа.
Там добычи золота
Не было ни разу.

Не скупится Родина
С сильными затратами!
Город там построим мы
Да на мирном атоме!

Вопреки сказаниям
Победили Одина!
Все богатства Арктики
Для любимой Родины!

Ильичев Кирилл, *ИНЭУ, 25-МЕН-3*

НЕКРОПОЛЬ

Докладная записка № 73-СБ
Служба Безопасности Сектора «Северное Сияние-7»
Рапорт старшего оператора 3-го ранга Алексея Большакова
Дата: 17.12.
[Красным карандашом проставлен гриф: 45-й год после Чёрной Декады]
Тема: Текущая обстановка и лояльность персонала.
Начальнику Службы Безопасности Сектора «СС-7» майору Петренко В.А.

Товарищ майор, по предписанию № 445-Б представляю еженедельный отчёт.

1. Обстановка снаружи. Температура стабильна: -52 °C. Штормовое предупреждение снято. Радиационный фон в норме. Попытку прорыва со стороны

сектора «Белая Медведица-4» отбили наши. Двух скаутов потеряли. Тела не забрали, всё сделали по протоколу «Чистая Земля». Как вы говорили, майор, «за Стеной только смерть и мутанты». Это ещё раз доказывает, что Директория права.

2. Инфраструктура. Реактор «Дунай-3» барахлит. Инженер Ковальчук (досье № 12-К) говорит, нужен ремонт турбин. Но в отчёте у него слишком много технических деталей. Возможно, пытается скрыть саботаж или просто дурак. Предлагаю за его бригадой присмотреть. Гидропоника «Феникс» даёт 87% пайка. Биолог Светлова (досье № 33-С) жалуется, что семена плохие. Я слышал, как она в столовой говорила, что воздух у нас плохо очищают. Записал её на Беседу.

3. Кадры, мораль. Среди новичков из Блока «Восток» (партия № 778) нашли тех, кто врёт. Гражданка Олеся Гордеенко говорила людям, что «наверху можно дышать без маски» и что «где-то есть зелень». Сомневается в Директории. После двух сеансов в Изоляторе № 5 призналась, что ей это внушили «голоса из Чёрной Декады». Устранена. Другим урок.

Я лично верен присяге, товарищ майор. Помню Кодекс: «Старый мир погиб в хаосе Чёрной Декады, выжили только стойкие, кто нашёл убежище во льдах». Наши предки построили Купола, чтобы мы жили дальше. Кто в этом сомневается – тот враг. Враг не только Директории, но и всего человечества.

Рапорт прилагаю. Жду указаний.

Старший оператор 3-го ранга Большаков А.В.

«В единстве – наша сила. В вере – наше спасение».

Конец смены. Алексей, оператор третьего разряда, стаскивает с вешалки поношенную кожанку – подарок старого друга. Судьба развела их по разным углам этого проклятого места. Он натягивает куртку на плечи и выходит из каморки. Скрип ржавой лестницы похож на похоронный марш. Звуки Купола – гул генераторов, приглушенные голоса – сливаются в тоскливый вой. Алексей инстинктивно тянется к старому портсигару. Достает самокрутку, сует в рот и чиркает зажигалкой.

«Интересно, – думает он, глядя на матовый купол, за которым бушует арктическая ночь, – каков на вкус настоящий табак?».

Гигантские титановые полусферы воткнуты в вечную мерзлоту, словно надгробные плиты. Они не столько защищают от лютого холода, сколько консервируют жалкое существование внутри. А снаружи – выжженная, мертвая Арктика после Чёрной Декады. Безжизненная пустыня. Радиоактивные бури пляшут под неестественным северным сиянием, а ветер воет, оплакивая погибший мир. Причины катастрофы давно забыты, погребены под слоем льда и отчаяния.

Пробираясь сквозь толпу измученных рабочих, Алексей краем глаза высматривает недовольных. Работа у него такая – следить за настроениями. Он всего лишь винтик в системе Директории, доносящий на тех, кого считает инакомыслящими.

Затягиваясь обжигающе горячим дымом, он пытается уловить отголосок настоящего вкуса. Того, о котором читал в старых, конфискованных дневниках. Дым дерет горло, оставляя привкус пепла и химии. Эта самокрутка – символ их жизни: жалкая пародия на нормальность.

У лифта толпа расступается перед ним, словно боясь обжечься о куртку. Взгляды – усталые, полные тихой ненависти – скользят по полу. Он для них не человек, а слуга режима, одетый в шкуру соседа. Иногда ему кажется, что куртка, подарок погибшего Сашки, давит, как бронежилет. Это единственная вещь, которая напоминает о друге, а не о долге.

Вдруг его взгляд цепляется за молодого парня с осунувшимся лицом. Парень не отводит глаз. Смотрит прямо на Алексея. Ни страха, ни ненависти – только холодное, равнодушное презрение. Оно страшнее любой злобы. Это взгляд человека, которому нечего терять.

Алексей машинально тянется к планшету, чтобы записать номер комбинезона. Но пальцы замирают. Что-то внутри обрывается. Этот привычный жест кажется вдруг бессмысленным. Что он напишет? «Взгляд, полный неповиновения»? Да у них у всех такие взгляды. Они все ненавидят Директорию. Ненавидят и его.

Он проходит мимо, притворяясь, что ничего не заметил. Но тоска сменяется липким страхом. Не страхом перед начальством, а страхом перед правдой. Правдой, которую он увидел в глазах мальчишки. Тот смотрел на него не как на надзирателя, а как на такого же заключенного. На того, кто охраняет тюрьму, приняв её за спасение.

Алексей дергает дверь своей каморки. Тесная клетка встречает его мертвой тишиной. Он скидывает куртку, но тяжесть на плечах не проходит. Садится на койку, уставившись в стену. Из динамика доносится гул генератора – вечная колыбельная их существования. Но сегодня он звучит иначе. Не как голос прогресса, а как погребальный колокол.

Алексей закрывает глаза, пытаясь вспомнить Сашку. Но видит только глаза мальчишки, в которых читается немой вопрос: «И ради этого ты выжил?».

Скинув сапоги, он валится на жесткую койку. Слушает гул системы отопления и генератора. Каждый вздох напоминает ему о жизни, такой же жалкой, как и существование тех, кто до сих пор называет себя человечеством.

Скауты изредка находят старые записи, обрывки воспоминаний о мире до Черной Декады: о небоскребах, ученых, разных странах... Все это свозят в хранилища Директории. Изучают не из любопытства, а с холодной целью: найти и уничтожить ростки хаоса, который погубил старый мир. Любая мысль, отличие, свобода – это яд для последнего оплота.

Чёрная Декада – зияющая дыра в официальной истории. Запретная тема. Не война и не эпидемия – нечто большее. Десятилетний коллапс цивилизации. Цепь катастроф, оставившая после себя отравленные руины и вечную зиму.

Очередной день Алексея Большакова утекает, как песок. День из тринадцати тысяч пятисот пяти, проведенных в этой ледяной могиле. Его отец когда-то мечтал, что Алексей доживет до лучших времен. Ложь. За тридцать семь лет он не покинет этих стерильных стен. А за ними – лишь арктический ад, ледяная пустошь, братская могила для погибших народов. Арктика – не убежище. Это ледяной некрополь.

Копытова София, *ИРИТ, 25-ИВТ-4-1*

ДРУГ

Начало декабря. Ещё не слишком холодно, но снег уже лежит красивым ровным слоем, укрывая землю белым покрывалом. Пару дней назад Саша приехал в маленькую деревушку, расположенную в Республике Коми, к бабушке. Не то чтобы он был особенно этому рад: связь слабая, интернет медленный, заняться почти нечем. Приходилось помогать по хозяйству – носить дрова, топить баню, ходить за продуктами. Единственной радостью было то, что на соседней улице жил мальчик примерно того же возраста. Звали его Коля. Он тоже приехал к бабушке и дедушке. Они познакомились недавно, но успели сдружиться – вместе гуляли, коротали вечера.

Одним таким вечером Саша решил выйти на улицу и позвать Колю прогуляться. Ночи здесь были чёрные, а редкие фонарные столбы, отбрасывающие бледный свет на снег, не слишком разгоняли темноту вокруг. Тишина, лишь звук хрустящего под ногами снега. Неожиданно со стороны реки появилась фигура, медленно приближавшаяся к нему. «И кому это понадобилось выходить на улицу в такой час?» – подумал он. Но, приглядевшись, узнал Колю.

Тот подошёл медленно, шаги его были какие-то неровные. Саша улыбнулся, сказал:

– Привет! Пойдём прогуляемся, скучно одному.

Коля кивнул, но не ответил.

Они шли по улице, и Саше всё сильнее казалось, что с другом что-то не так. Коля не смеялся, не шутил, а голос его, когда он всё же отвечал, звучал как-то тихо и отстранённо. Саша сначала подумал, что друг чем-то расстроен или просто устал, но внутреннее чувство тревоги нарастало. Остановившись под фонарём, Саша не выдержал:

– Да что с тобой такое?! Ты сам не свой сегодня!

В тусклом свете, падающем на лицо, Коля улыбался как-то странно, широко, неестественно, а глаза были тусклыми и стеклянными. Когда же взгляд Саши упал вниз, то парнишка заметил, что на снегу тень отбрасывает только он сам**…** И когда они шли по улице, Саша не мог припомнить, чтобы изо рта Коли выходил пар…

Холод пробежал по спине, но не от уличного мороза. Сердце забилось чаще, когда наконец пришло осознание, что здесь творится что-то неладное. Тогда Саша сорвался с места и побежал. Обернувшись на бегу, он увидел, что под фонарём уже никого нет…

Он не помнит, как пересёк двор, как распахнул дверь и ввалился внутрь, как тепло дома окутало его. И только сейчас вспомнил слова бабушки о том, что ещё утром Колю видели по дороге к реке, но он так и не вернулся…

Чухманова Анастасия, *ИРИТ, 24-ПМ-1*

СКАЗКА О ТОМ, КАК ОГОНЁК ИСКАЛ СВОЁ МЕСТО

В одном большом-пребольшом городе жил да был маленький Огонёк. Звали его Алёша. Все его братья и сестры – такие же яркие, горячие Огоньки – обожали лето. Как только наступала пора отпусков, они дружно кричали: «Все на юг!» и неслись греться на золотистые пляжи, танцевать в солнечных зайчиках и веселиться до самого вечера.

А Алёше на юге было скучно. От постоянного солнца у него болела голова, от песка – щипало, а шумные компании его только утомляли. И вот однажды ночью он увидел в окне странное свечение. Это была старая карта, висевшая на стене, и её северная часть тихо светилась холодным бирюзовым светом.

«Пойду-ка я туда», – решил Алёша и, дрожа от страха и любопытства, отправился в путь.

Долго он летел, пока не почувствовал, как воздух стал густым и морозным. Вокруг простиралась бескрайняя белая равнина, уходящая в чёрное, усыпанное алмазами звёзд небо. Это был Север.

Сначала Алёше стало страшно. Он был таким маленьким и хрупким в этом величественном безмолвии. «Эй, кто тут есть?» – робко позвал он.

Из-за сугроба вышел седой Мороз, весь в сверкающих узорах. «Кто это ко мне пожаловал? – проворчал он. – Маленький, южный? Ты здесь замёрзнешь и погаснешь».

«Я ищу… красоту и тишину», – прошептал Алёша.

Мороз удивился. Он привык, что его боятся, а тут кто-то искал в его владениях красоту. «Ладно, – сказал он. – Оставайся. Но держись покрепче. Здесь всё не так, как у вас на юге».

Наступила полярная ночь. Солнце не поднималось вовсе, и только длинные синие сумерки окутывали землю. Алёша сначала затосковал, но потом разглядел, что это время – словно большое тёплое одеяло для разговоров по душам. Скалы рассказывали ему древние легенды, а ветер пел колыбельные. Алёша научился слушать. Он больше не был одинок в этой тишине – он был её частью.

Но главное чудо ждало его впереди. Однажды ночью небо вздрогнуло, и с небес спустилась сама Королева – Полярная Заря. Её платье было соткано из переливающихся зелёных, розовых и фиолетовых струй света. Она танцевала медленный, величественный танец, и всё небо превращалось в бесконечный, сияющий занавес.

Алёша замер от восторга. Он никогда не видел ничего столь прекрасного. Королева заметила его. «Маленький Огонёк, – прозвучал её голос, похожий на звон хрустальных льдинок. – Что ты здесь делаешь? Ты же так мал для моих владений».

«Я… я хочу быть таким же красивым, как вы!» – выдохнул Алёша.

Королева улыбнулась. «Красота Севера не в жаре, а в силе духа. Ты выдержал холод, ты научился слушать тишину. Теперь ты готов. Подари мне свой свет».

Алёша не раздумывая оторвал от себя самую яркую искорку и протянул её Королеве. Та приняла её, и в тот же миг в её сияющем наряде зажглась новая, тёплая,

золотистая струйка – та самая, что бывает в самом сердце северного сияния и согревает душу, а не тело.

С тех пор Алёша-Огонёк остался на Севере навсегда. Он не грел, как его южные братья, но он освещал. Он стал тем самым тёплым огоньком в окошке одинокого полярника, той отважной искрой, что помогает путнику найти дорогу в пургу, и тем золотым отсветом в глазах человека, который впервые видит, как танцует само небо.

Он нашёл своё место. Не там, где все, а там, где его сердце стало частью великого чуда. Потому что пока все стремились на юг, он обрёл дом на севере.

Ваганов Владимир, *ИПТМ, 25-АМ*

ПОДВИГ

Наконец перестали крутиться винты атомного ледокола «50 лет Победы», скрытые под ледяной водой. Внутри корабля началось бурное движение пассажиров экспедиции. Каждый стремился выйти на просторы Арктики после долгого пути. Выходивших из судна встречали сильный ветер, сбивавший с ног, и горизонт, который белая мгла заволакивала так, что не было видно ни неба, ни земли, только тусклое пятно солнца, единственная яркая деталь картины, представшей перед людьми.

Среди экспедиции на сикозаке также стоял Иван Сергеевич. Его перчатка за считанные секунды прилипла к ручке полозьев. В другой руке он держал маленькую сумку с инструментами. Одежда, шарф, прикрывавший рот и нос, ресницы – все покрылось вмиг инеем. Экспедиция тронулась по припаю в сторону чуть видневшейся буровой станции, которая ничем не выделялась из окружающей серовато-белой мглы.

Иван Сергеевич, мужчина средних лет, был инженером-энергетиком. За свой рабочий путь он работал в разных уголках нашей страны, но в таких условиях ему пришлось работать впервые. Сюда, вглубь безжалостной Арктики, Иван Сергеевича направили на зимовку. Перед ним стояла задача укрепить линию электропитания для геологической станции.

По мере продвижения к станции крупная экспедиция рассыпалась на маленькие группы. Было несколько человек, которые распределяли каждого, куда ему идти. Наконец Иван остался с командой. Они ощутили, как звучит тишина.

Они прибыли на станцию. Там было всё, кроме тепла: дизельный генератор глох каждые три часа. На улице метель, казалось, не кончится никогда. Очень было тяжело ждать. Ждать, когда закончится ночь, когда прогреется помещение.

Однажды ночью, при минус пятидесяти, генератор снова заглох. Мгновенно все покрылось инеем. В лаборатории замерзали аккумуляторы – гибель оборудования была неминуема, если не запустить генератор.

Иван, не раздумывая, накинул полушубок, взял канистру с дизелем и сумку с инструментами и вышел в кромешную тьму. Метель сбивала с ног. Двести метров до генератора казались вечными. Фонарь не пробивал пургу. Он рисковал заблудиться, но продолжал идти.

Генератор был покрыт льдом. Топливо загустело, шланги от перепада температуры лопнули. Иван стряхнул с двигателя снег, однако буквально за секунды его опять засыпало снегом. Метель стала обильнее. Фонарь совсем не просвечивал сквозь пургу. Инженеру пришлось снять перчатку, ведь в таких условиях оставалось только делать всё наощупь. Его руки дрожали, каждое прикосновение к металлу превращало кожу в лед.

Через полчаса, несмотря на замерзшие пальцы, инженер достиг цели: двигатель кашлянул и загудел. Черный дым повалил из трубы. На лице Ивана появилась скудная улыбка.

Вернувшись на станцию, он встретил взволнованного геолога

– Запустил? – спросил тот.

Иван кивнул.

– Как ты это сделал? Там ничего же не видно!

Сняв заледеневшие рукавицы, Иван Сергеевич ответил:

– Я ж инженер. Моя работа, чтобы тепло было.

Той ночью Иван осознал, что значит быть инженером – стоять между человеком и холодом, жизнью и смертью.

Прошло с той ночи три месяца. Наступила весна в Арктике, она хоть и условна в этих местах, однако солнце стало выше, а метель случалась реже. Станция работала, геологи бурили. Иван писал отчеты, чинил оборудование. Он не жаловался, хотя руки были в трещинах, а глаза болели от бликов льда…

***

…Вертолет поднялся над станцией. Белые просторы, где Иван ощущал себя песчинкой, уходили в бесконечность, оставляя внизу его труд.

Шигин Роман, *ИЯЭиТФ, С24-ЯР*

ПАМЯТЬ ПЕРВОПРОХОДЦА

…Зимним вечером сижу у окна, смотрю на заснеженные поля Тульской губернии. Снег здесь мягкий, тихий, домашний. А я вспоминаю снег иной – колючий, что резал лицо до крови и заставлял плакать от боли даже бывалых казаков. Вспоминаю лёд, что был под ногами, над головой и вокруг, куда ни глянь. Лёд, который стал моей судьбой.

Родился я в 1707 году, в Белёвском уезде. С детства меня манило не тепло кровати, а свист ветра в поле, не покой родного дома, а рассказы бывалых людей о далёких морях и неведомых землях. Судьба моя была предрешена, когда в 1714 году отец определил меня в Московскую школу математических и навигацких наук. Потом – Академия морской гвардии в Петербурге. Юность моя прошла не в развлечениях, а за компасом и картами, в постижении наук, без которых в нашем деле – никуда.

С начала службы я попал под начало великого человека – Витуса Беринга. Благодаря ему я открыл для себя дверь в ту самую стихию, что стала мне и мукой, и любовью – в Северный Ледовитый океан.

Часто вспоминаю годы Великой Северной экспедиции… Они были самым трудным и самым славным временем моей жизни. Представьте: вы идёте по льду, который в любую минуту может треснуть и поглотить вас в ледяную воду. Дышать тяжело – мороз в сорок, а то и пятьдесят градусов сбивает дыхание. Ветры дуют такие, что кажется, будто сама природа восстала против дерзкого вторжения. Мы мёрзли, голодали. Продовольствие заканчивалось, собаки падали от изнеможения. Помню, как однажды мы несколько дней сидели в снежной яме, укрываясь от метели, что ревела, словно разъярённый зверь, и не было видно ничего дальше вытянутой руки. Спали, прижавшись друг к другу, чтобы не замёрзнуть насмерть, и грелись лишь одной мыслью: мы должны дойти. Мы должны нанести на карту эту линию, этот мыс, эту бухту.

Были и моменты отчаяния. Когда болели цингой, когда теряли товарищей. Когда смотрели на бескрайнюю белую пустыню и не видели в ней ни конца, ни края. Но мы шли, потому что знали: за нами – Россия. Мы – её глаза и руки, мы – те, кто приносит ей знание и новые границы.

И был тот день, майский день 1742 года. На собачьих упряжках мы с моими верными спутниками достигли самой северной точки. Той, которую позже на картах назовут мысом Челюскина. Стоял и я там, на краю земли, под пронизывающим ветром, и смотрел на льды, медленно уходящие за горизонт. Не было тогда ни торжества, ни ликования. Была тихая, суровая радость. Радость выполненного долга. Мы доказали, что там, где кончается земля, не кончается Россия. Её дух, её воля простираются дальше.

А знаете, зачем всё это было? Не для славы, не для чинов. Мы делали это, чтобы наша страна знала свои границы. Чтобы русские корабли могли ходить по северным морям, не страшась неизвестности. Чтобы развивалась торговля, чтобы крепла мощь державы. Мы закладывали фундамент, камень за камнем, ценой своих сил, своего здоровья, а иногда и жизни.

Теперь, сидя у окна, я смотрю на молодых и думаю: равняйтесь на нас, первооткрывателей. Не на наши тяготы, а на нашу веру. Веру в то, что нет таких вершин, которые нельзя взять, нет таких земель, которые нельзя освоить во славу Отечества.

Годы у меня уже не те... Руки трясутся, и глаза уже не такие зоркие. Но сердце моё переполняет гордость. Гордость за свою страну, за её молодое поколение с крепким духом и стремлением к чему-то новому. Я был лишь одним из многих, кто прикоснулся к её северной тайне. И если мой скромный вклад, мои мозоли на руках и стёртые в кровь ноги помогли России стать хоть немного сильнее – значит, жизнь моя прожита не зря.

Пусть же новые первооткрыватели идут дальше нас. Пусть исследуют новые земли, покоряют новые просторы. А мы, старики, будем безмерно гордиться ими и с нетерпением ждать новых открытий. Ибо Россия – это не только то, что есть. Это то, что будет. И мы, первооткрыватели, были у истоков этого «будет».

Антипова Варвара, *ИНЭУ, 25-УВП*

ВЕЛИКИЙ ДУХ СЕВЕРА

Давным-давно на самом краю земли раскинулся Великий Север. Это было место немыслимой красоты, завораживающее своим величием. Прочный прозрачный лёд покрывал огромные пространства, отражая нежное, но холодное сияние небес. Бескрайняя тундра, укрытая тонким одеялом снега, простиралась до самого горизонта, обещая лишь тишину и вечный холод. А над всем этим, словно волшебный занавес, плясало полярное сияние. Но эта красота была коварна, полна опасностей и испытаний для тех, кто осмеливался ступить сюда впервые.

И вот однажды на эти земли пришли люди. Они были разными, но всех их объединяло одно – они несли с собой отголоски южных земель, свои привычки и слабости: ленивую неспешность, нетерпение, физическую и духовную слабость.

Дух Севера, древний и могучий хозяин этих мест, почувствовал их присутствие. Он был воплощением природы Севера: холодный, справедливый и требовательный. Он не терпел слабости и решил испытать этих людей, проверить их на прочность. Тогда, собрав всю свою силу, Дух обрушил на людей лютый мороз, который пронизывал до самых костей, напустил долгую, непроглядную полярную ночь, которая длилась месяцами, сея страх и отчаяние. А затем поднял он свои свирепые ветры, которые выли, словно стая голодных волков и срывали кровли с жилищ.

Многие, не выдержав такого натиска, сдавались. Они бежали прочь от ледяного царства и беспощадной стихии или просто замерзали, становясь частью вечной мерзлоты. Север не оставлял шансов слабым, он безжалостно отсеивал их, как ненужную шелуху. Но были и те, кто остался. Те, кто не склонил голову перед метелью, а смотрел ей прямо в лицо, кто, несмотря на страх, продолжал идти вперёд, шаг за шагом, упорно и неотступно. Их тела, закалённые лютыми морозами, становились крепче с каждым днём, их мышцы наливались силой от постоянного труда. Их разум, словно компас, безошибочно указывал путь к выживанию – они учились находить пищу там, где, казалось, ничего не было, строить надёжные жилища, которые могли выдержать самые сильные порывы ветра. И самое главное, их сердца тоже менялись. Холод снаружи словно разжигал внутренний огонь – огонь добра, взаимопомощи и ценности друг друга. Люди поняли, что в этом суровом мире только вместе они могли победить стихию. Каждый стал надёжной опорой для соседа, люди стали настоящими друзьями, связанными не только общей бедой, но и общим стремлением жить. Ложь, обман и пустые ссоры стали невозможны, ведь на кону стояла сама жизнь.

В глазах этих людей появился особенный, глубокий свет – свет мудрости, накопленной опытом безграничного терпения, стойкости и огромной силы воли. Они стали неотъемлемой частью Севера.

И тогда Дух Севера, наблюдавший за ними с высоты своих ледяных чертогов, почувствовал, что его испытание подошло к концу. Он улыбнулся, и эта улыбка была солнцем после долгой полярной ночи. Он увидел в этих людях именно то, что искал: непоколебимую надёжность, внутреннюю силу и нерушимую крепость духа. И его голос пронёсся над просторами Севера: «Вот они, мои дети! Эти люди – истинная

ценность! Из этих людей гвозди б делать! Крепче не было б в мире гвоздей!». С тех пор эта легенда живёт и передаётся из уст в уста, от поколения к поколению. И до наших дней на Севере живут потомки тех сильных, закалённых людей.

Носкова Мария, *ИЯЭиТФ, 24-АЭ*

ЛЕГЕНДА О ДВУХ СЕРДЦАХ

В те стародавние времена, когда снега не таяли вовсе, а белые пустыни простирались да самого края света, жил у границы вечной мерзлоты один народ. Люди те были крепки и молчаливы, словно вековой лед, но сердца их, как и у всех людей, порою ослабевали от стужи и тоски.

Случилось так, что сын охотника по имени Ольтан отбился от группы, преследуя раненого оленя, и не успел вернуться до наступления темноты. Прошла неделя, другая, а его все не было. Мать лила слезы, а отец, отчаявшись в поисках, утратил надежду, ибо холод не прощает ошибок.

Но невеста Ольтана, златовласая Хадне, не опустила руки. Взяв мешочек сушеной рыбы, свой клинок и теплую шкуру, она одна ушла в белую пустыню, туда, куда даже бывалые мужи боялись соваться.

Шла она долго. Солнце лишь на миг показывалось из-за снежных гор, делая ночь бесконечно длинной. Ветер, словно острый нож, резал ее щеки, а мороз пытался усыпить ее разум, нашептывая о теплой пещере и покое. Но Хадне гнала от себя эти мысли. Она думала об Ольтане, о его смехе, что звонким эхом отзывался в ее памяти.

На седьмой день пути, когда силы были на исходе, она нашла его. Ольтан лежал в неглубокой расщелине под толстым снежным одеялом. Он был жив, но воля его была сломлена. Глаза его смотрели в небо пусто и безучастно.

«Вставай, – прошептала Хадне, падая перед ним на колени. – Наш народ не сдается стуже».

«У меня нет сил, – еле слышно ответил он. – Холод забрал их».

Хадне, собрав последние силы, сделала то, что подсказывало ей сердце. Прильнув к любимому щекой, она заговорила о доме, о счастливых глазах его матери, о тяжелом, но честном взгляде отца, предавалась мечтам об их совместном будущем. Она описывала ему Север, который стал силой, живущей в голосах и сердцах их рода.

Слова Хадне разожгли в нем огонь. Он медленно поднялся, стряхнул с себя снег и вздохнул полной грудью.

С тех пор в их народе сказывали, что у истинного сына и дочери Севера не одно, а два сердца. Одно – живое, горячее, что бьется в груди. А второе – скованное из воли, верности и надежды. Оно не чувствует стужи и не знает страха. И пока оба сердца бьются в одном ритме, человеку не страшна никакая полярная ночь.

С тех пор так и живут люди на границе вечной мерзлоты. Не потому, что они сильнее других, а потому, что научились ковать внутри себя второе, стальное сердце, которое не позволяет первому остыть.

Рябич Константин, *ИЯЭиТФ, С24-ЯР*

ЗАПИСЬ С 72-Й ПАРАЛЛЕЛИ

Мне снился сон. Не будущий век, а вечность, что стынет в сизом мареве над Енисеем. Я наблюдал не «освоение» – казённое, плоское слово, – а дыхание.

Дышит Арктика. Всё ещё дышит. Её лёд – не скорлупа, а кожица на молоке. Она жива. И будущее я вижу не в графиках добычи, а в этом дыхании, которое должно остаться.

Первое. Цвет

Оно не будет белым. Белый – это цвет смерти, савана, сдачи. Нет. Будущее Арктики – цвета старого серебра, потёртого временем и пальцами. Цвета полярного сияния, когда оно не ядовито-зелёное, а фиолетовое, с отсветом меди, как на иконах. Цвета вечерней зари, длящейся три часа, – выцветший рубин.

И в этом серебре и выцветшем рубине появятся пятна иного. Ржавые борта не как язвы, а как шрамы – память о том, что мы пришли и… остались. Не как завоеватели, а как поселенцы, которые учатся слушать. Свет в окне станции «Восток». Жёлтый, тёплый, крошечный, но упрямый. Как свеча в келье.

Второе. Звук

Тишина здесь не абсолютна. Она наполнена. Это тишина-маятник: скрип льдины о льдину – тик… завывание ветра в растяжках вышки – так… И вот в эту тишину вплетается новый звук. Не рёв турбин, а ровный, твёрдый гул. Гул не от машин, а от мысли. От хрустальных серверов, охлаждаемых вечной мерзлотой, где живут цифровые души библиотек, музыки, звёздных карт. Это не технократия. Это – собор. Храм знаний, построенный там, где ближе всего к космосу и чище небо.

А под этим гулом – старый звук. Поскрёбыш. Это ненецкая женщина скребёт шкуру оленя. Этот звук был здесь всегда. И он должен остаться. Ибо он – биение сердца земли.

Третье. Запах

Пахнет будущее… железом и снегом. Как топор на морозе. Но не только. Пахнет хлебом из полярной оранжереи, где под куполом, залитым искусственным солнцем, колосится пшеница. Это запах жизни, которую мы принесли с собой не в консервных банках, а в зёрнах.

И смешивается с ним запах солёного чая из жестяной кружки – тот самый, что пили с тобой у костра, помнишь? Запах человеческого тепла, самого ценного ресурса на этой земле.

И последнее. Боль

Будущее Арктики, которое я вижу, не идиллично. Оно пронизано болью памяти. Мы будем ходить по берегам, усыпанным выброшенными бочками из-под солярки – серыми, облупленными, как кости доисторических зверей. Это наши грехи. Мы не спрячем их. Мы оставим как памятник. Как напоминание: «Здесь человек был глуп и слеп. Помни».

Так что не будет ни утопии, ни апокалипсиса. Будет хрупкое равновесие. Как ходить по тонкому льду над чёрной, бездонной водой. Мы будем нести в одной руке ноутбук с чистыми алгоритмами, а в другой – тот самый солёный чай. И смотреть в лиловое небо, где звёзды кажутся ближе, чем где бы то ни было.

Мы не покорим Арктику. Мы вдохнём её в себя. И, может быть, она позволит нам остаться. Не хозяевами. Гостями. Которые наконец-то научились снимать обувь у порога.

Записано при свете полярного дня. В окно стучится мошкара, вернувшаяся на два месяца раньше срока. Знак. Ещё один знак, который нужно прочесть.

Пекнина Полина, *ИНЭУ, 25-ЦА*

ЛЕГЕНДА О ЧАСОВОМ ВЕТРА

В те времена, когда мир только обретал форму, Верховный Дух Неба выковал из осколков Полярной звезды и дыхания вьюги первых людей Севера. Они были прекрасны и сильны, но дух Арктики, старый и суровый Холод-Великан, посмеялся:

– Твои творения не проживут и одной луны. Моё дыхание обратит их кости в лёд, а волю в прах.

И он наслал на земли Великую Пургу, что длилась три жизни. Всё живое замерзало. Отчаявшись, Дух Неба обратился к последнему оставшемуся в живых стойбищу. Но не к самому сильному воину, а к молчаливой девушке по имени Нея, чьи глаза были цвета спокойного океана перед штормом.

Нея не стала бороться с пургой. Она вышла ей навстречу, завернувшись не в шкуры, а в собственное безмолвное упрямство. Она села на краю пропасти, у самого жилища Холода-Великана, и стала ждать. Она не шевелилась, не кричала, лишь смотрела в безумие снежной мглы.

Дни слились в ночи, а ночи – в одну бесконечную тьму. Мороз пытался пронзить её, но встречал на своём пути такую глубинную, неподвижную стойкость, что его лезвия ломались. Вьюга истощала свои силы, пытаясь сдвинуть её с места, но воля Неи была тяжелее самых древних ледников.

Холод-Великан, устав от её молчаливого вызова, решил сломить её хитростью. Он принял облик прекрасного юноши из Племени Сияний и пообещал ей вечную жизнь и тепло в своих чертогах, если она уйдёт.

Нея посмотрела на него спокойными глазами и впервые за всё время произнесла:

– Ты – ложь. Истинная сила не в том, чтобы всё заморозить, а в том, чтобы выстоять.

Рассвирепев, Великан наслал на неё последнее испытание – Ледяное Одиночество. Это был не холод тела, а холод души, чувство полной покинутости и бессмысленности бытия. Но и тут Нея не дрогнула. Она поняла, что её стойкость – это не только её личная сила. Это щит для её народа, это молчаливый договор с самой суровой землёй.

И тогда случилось чудо. От неподвижной фигуры Неи, от её несгибаемой воли, пошла вибрация, незримая, но мощная. Она пронзила лёд, и лёд стал крепче. Она

коснулась ветра, и ветер, прежде дикий, стал служить ей, принося вести о местах, где водится рыба. Её упорство переплавило саму суть холода в новую форму силы — силу несокрушимого духа.

Увидев это, Холод-Великан отступил. Он не был побеждён, но был вынужден признать равного. С тех пор он правит Арктикой, но всегда оставляет место для тех, в ком живёт дух Неи.

А сама Нея не умерла и не ушла. Говорят, она превратилась в первый вечный ледник, что стоит на страже Севера. Её сердце бьётся где-то в его глубине, и его ритм отмеряет время не годами, а веками. Из осколков того ледника, закалённых её волей, первые люди Севера выковали свои первые прочные ножи и самые крепкие гвозди для своих жилищ.

И до сих пор в каждом, кто рождается и живёт на этой земле, живёт частица её духа – не кричащая и не воинственная, а тихая, непоколебимая, прочнее любого металла. Именно из таких людей, прошедших школу молчания и стужи, и делаются те самые «гвозди», о которых говорил известный поэт. Им не страшны никакие бури.

Спиряева Ксения, *ИНЭУ, 25-ЦА*

СЕМЬ СЕВЕРНЫХ ВЕТРОВ

В городе, где лето было жарким и пыльным, а небо над головой вечно серым от смога, жила девушка по имени Вера. Все её подруги собирались на юг – купаться в тёплом море, загорать под палящим солнцем и фотографироваться на фоне пальм. «Лето – только для юга!» – была их любимая поговорка.

Но Вере снились другие сны. Ей снились бескрайние белые просторы, сияющий лёд и танцующие над головой огни. И когда все подруги уехали на юг, Вера купила билет в Арктику.

Долгие сутки пути стали для неё вратами в другой мир. За окном мелькали сначала леса, потом редколесье, и наконец – бескрайняя тундра, покрытая искрящимся инеем. Она вышла на маленькой станции с названием «Серебряные Ключи».

Старый проводник, провожая её, сказал:

– Ищешь места силы, дитятко? Их здесь семь. Но чтобы найти их все, нужно услышать шёпот северных ветров.

Первым она встретила Ветер Тишины. Он парил над замёрзшим озером, где лёд был прозрачен, как стекло. Вера села на берегу и слушала. Сначала ей было непривычно – так тихо, что слышен стук собственного сердца. Но потом она расслышала музыку – тихую, робкую. Это звенели на морозе снежинки, поскрипывал северный снег. Она нашла первое место силы – Глубокую Тишину, которая учила слышать.

Вторым прилетел Ветер Памяти. Он принёс ей запах старого леса и показал тропу, по которой ходили когда-то первопроходцы. Вера шла по их следам, касалась корявых стволов кедров, видевших века, и чувствовала их медленное, мудрое дыхание. Она нашла второе место силы – Древнюю Память Земли.

Третьим налетел Ветер Сияния. Он кружил над спящими холмами, и Вера, подняв голову, замерла. Небо взорвалось зелёными и фиолетовыми цветами. Они переливались, как шёлк, текли, как вода, и горели, как пламя. Это было так прекрасно, что перехватывало дыхание. Она нашла третье место силы – Небесный Огонь.

Четвёртым примчался Ветер Сказок. Он донёс до неё обрывки разговоров из далёкого стойбища оленеводов. Вечером у костра старый ненец рассказывал легенды о Хозяйке Льдов, о духах тундры, о волшебных оленях. Вера слушала, завернувшись в тёплый полушубок, и понимала, что нашла четвёртое место силы – Живую Сказку.

Пятым пришёл Ветер Мужества. Он встретил её на берегу Северного Ледовитого океана, где волны с грохотом разбивались о многометровые глыбы льда. Ветер был сильным и резким, он пытался сбить её с ног, но Вера стояла твёрдо, чувствуя, как её собственная воля закаляется, как сталь. Она нашла пятое место силы – Суровую Волю.

Шестым налетел Ветер Одиночества. Он застал её полярной ночью, когда солнце не показывается целыми сутками. Он шептал: «Ты одна. Совсем одна». Но, приглядевшись, Вера различила вдалеке огонёк другого стойбища, услышала лай ездовых собак и поняла – здесь нет одиночества. Здесь есть Пространство для себя. Она нашла шестое место силы – Ценность Присутствия.

И наконец, пришёл седьмой ветер – Ветер Дома. Он был тише всех. Он просто обнял Веру и прошептал:

– Ты нашла всё, что искала. Теперь часть этого Севера всегда будет в тебе.

Когда Вера вернулась в город, подруги с восторгом показывали южные фотографии.

– Ну как там, на твоём Севере? Наверное, ужасно скучно?

Вера достала семь маленьких льдинок в специальной капсуле – подарок последнего ветра. Они не таяли.

– Нет, – улыбнулась она. – Я была в семи разных мирах. И я нашла себя.

Она смотрела в запылённое городское небо и знала – где-то там танцуют сияния, шумят кедры, поёт тишина. И она обязательно вернётся. Потому что Север – это не место на карте. Это состояние души.

и Север инженеру покорится...

Березин Дмитрий, *ИЯЭиТФ, 24-ЯР*

КАКИМ Я ВИЖУ БУДУЩЕЕ АРКТИКИ…

Будущее Арктики часто рисуют в футуристических тонах: города под куполами, роботы-геологи и цифровые двойники айсбергов. Но мое видение этого будущего обрело четкие, стальные формы и конкретное имя – атомный ледокол «Урал». Именно посещение ФГУП «Атомфлот» в рамках учебной практики стало для меня тем самым ключом, который позволил за абстрактными планами и цифрами увидеть живой механизм завтрашнего дня.

Помню, как во время ознакомительного брифинга в учебном центре перед нами развернули карту грандиозных проектов. Пять новых ледоколов проекта 22220, фантастический «Лидер» мощностью 120 МВт, способный ломать четырехметровые льды, и плавучие энергоблоки для самых отдаленных уголков Севера. Но по-настоящему эти цифры ожили, когда я поднялся на борт ледокола «Урал». Это не просто корабль; это плавучий город науки и силы, воплощение дерзкой инженерной мысли. Стоя на его командном мостике, окруженный панелями с экранами, я понял: будущее Арктики наступит совсем скоро. Двухосадочная конструкция, позволяющая «Уралу» работать и в океане, и в устьях рек, – это метафора гибкого и адаптивного подхода, который придет на смену грубому напору.

И это подводит меня ко второму лику будущего – «умной» и экологичной Арктике**.** Меня как будущего инженера особенно поразили не столько мощности, сколько системы. Рассказ о строжайшем экологическом контроле и радиационной безопасности, соответствующих высшим мировым стандартам, развеивает миф о том, что технологический прогресс и хрупкая природа Севера несовместимы. Атомная энергия здесь – не угроза, а гарантия чистоты. Она позволяет избежать сжигания тысяч тонн дизельного топлива. Я представляю, как в недалеком будущем флот «Атомфлота», включая могучего «Лидера», станет не просто ледокольным, а экологическим прорывом всего Северного морского пути. Он будет обеспечивать энергией береговые станции, а его датчики – круглосуточно мониторить здоровье экосистемы, делая любую экологическую угрозу недопустимой.

Наконец, это посещение позволило мне увидеть человеческое измерение будущего. Цифра в 80 млн тонн грузопотока к 2024 году – это не просто статистика. Это жизнь. Это новые порты, рабочие места, научные базы, куда будут стремиться не на вахту, а на постоянную работу самые смелые и талантливые люди. Соединив в голове визит на «Атомфлот» с ранее увиденным на Балтийском заводе, я осознал полный цикл: от искры идеи в конструкторском бюро и сварки на верфи до работы реактора.

Таким образом, я вижу будущее Арктики не как холодную пустыню, окутанную проводами и рельсами, а как единый живой организм. Организм, сердцем которого бьется атомный реактор ледокола, нервной системой – его компьютеры, а душой – люди, для которых Север станет не краем земли, а ее новым, многообещающим центром. И я благодарен своей практике за то, что она позволила мне не просто представить, а буквально прикоснуться к этому будущему рукой.

***Мышляев Кирилл**, ИЯЭиТФ, С24-ЯР*

Стоял я как-то в июле на берегу Карского моря. Холод пронизывал до костей. Воздух был тяжелый, влажный, с запахом водорослей и чего-то неуловимого. Солнце не заходило, отбрасывая причудливые тени, отчего время текло медленно. Вода сверкала, ветер терзал ее поверхность, крики чаек звучали в оглушающей тишине. Здесь природа больше, чем просто красивые пейзажи – это вызов. И вот тут, где вечный день встречается с вечным холодом, я размышлял о будущем Арктики.

Мне претит мысль, что у Арктики есть только два пути: полная изоляция, превращение в заповедник, или же отдача в руки компаний для безжалостной эксплуатации ресурсов. Это слишком упрощённый взгляд. Арктика – не просто кладовая. Это своего рода гигантский живой организм. Вечная мерзлота – это не просто застывшая почва. Это память планеты, хранящая климатические тайны и свидетельства прошлого. Что, если эта память растает, исчезнет бесследно?

Я думаю, будущее Арктики – это сложный, почти алхимический процесс. Инновационные идеи должны сочетаться с уважением к окружающей среде. Я представляю себе не серые поселки, а передовые станции на сваях над тундрой, города под куполами, с цветущими садами и энергией солнца. Это не утопия. Нужно лишь развивать и беречь это место. Мы научимся не только брать ресурсы, но и относиться к ним как к займу, с благодарностью и готовностью вернуть. Технологии должны не вредить, а помогать.

Но что толку в передовых технологиях, если мы лишимся души Арктики? Нельзя забывать о коренных народах, веками живущих здесь – ненцах, саамах, эвенках. Они знают эту землю, как никто другой. Их опыт – это знания, позволяющие понимать природу. Их поселки, их уклад жизни – своего рода нервная система Арктики, они чувствуют каждое ее изменение. Важно не только услышать их, но и учитывать их мнение во всём. Иначе мы создадим безжизненное пространство вместо живого.

Я всё время думаю: а примет ли она нас? Примет ли нашу суету, алчность, стремление переделать всё по-своему? Арктика не терпит легкомыслия. Она покажет, чего мы стоим.

Для меня Арктика в будущем – не просто красивая картинка. Это живая система, где всё взаимосвязано: технологии, природа, прошлое и настоящее. Где светят не только холодные лучи солнца, но и разум, и ответственность людей, осознающих своё место и роль. Либо мы создадим что-то ценное вместе, либо оставим после себя лишь горькие воспоминания. И выбор мы делаем уже сейчас.

***Малеев Роман**, ИПТМ, 25-ТМ*

Арктика – это не просто белое пятно на карте. Я однажды видел фотографии со спутника: ледяные поля, трещины, словно сеть капилляров, по которым течёт жизнь планеты. Тогда я впервые задумался: наверное, будущее Арктики – это будущее технологий и людей, которые умеют ими пользоваться.

Я представляю ледоколы нового поколения – не те, что дымят и гудят, а тихие, работающие на гибридных установках. Они словно огромные «ключи», открывающие

проходы в ледяных лабиринтах. В их корпусах встроены датчики, которые передают данные прямо в научные центры. Ледокол становится не просто транспортом, а движущейся лабораторией.

А надо льдами – дроны. Я видел, как дроны используют для съёмки футбольных матчей, и подумал: почему бы не применить их в Арктике? Они могли бы измерять толщину льда, следить за белыми медведями, предупреждать учёных о трещинах. Представьте: стая дронов летит над океаном, как механические чайки, и каждая несёт кусочек информации о будущем планеты.

Арктика может стать полигоном для инженерных идей. Автономные станции, питающиеся от ветра и солнца, подводные роботы, исследующие глубины, спутниковые системы, которые в реальном времени показывают, как меняется климат. Это звучит как фантастика, но именно так я вижу её будущее: сочетание природы и техники, где одно помогает сохранить другое.

И всё же Арктика задаёт нам вопрос: «Вы хотите быть свидетелями моего исчезновения или хранителями моей вечности?» Я верю, что ответ зависит от нас. Если мы будем использовать технологии не ради добычи, а ради сохранения, то Арктика останется живой. Для меня она – как огромный сервер Земли, охлаждающий её систему. Если сервер перегреется, рухнет всё. Но если мы будем следить за ним, обновлять «программы» и беречь «память», он продолжит работать. Я хочу, чтобы будущее Арктики стало символом ответственности и прогресса. Чтобы ледоколы и дроны несли не разрушение, а знания. Чтобы мы доказали самим себе: мы умеем не только брать, но и сохранять.

***Князева Ксения**, ИНЭУ, 23-ДиА*

ВКЛАД ИНЖЕНЕРА В РАЗВИТИЕ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА

Мой двоюродный брат Максим работал в Ханты-Мансийском автономном округе, одном из важнейших регионов Севера России. Его рассказы помогли мне понять, насколько ценен вклад инженеров в развитие Арктики и северных территорий. Макс занимается добычей нефти и газа, а конкретно – бурением скважин. Он отметил, что работа очень тяжёлая, ведь условия на Севере суровые: холод, болота и густые хвойные леса, которые преобладают в регионе. Несмотря на трудности, именно усилия таких инженеров позволяют эффективно эксплуатировать недра Арктики и Севера, что особенно важно для экономики страны.

Современные инженерные технологии в Арктике учитывают вызовы, брошенные природой. Например, используют блочно-модульные сооружения, которые облегчают перенос и переустановку оборудования, снижая нагрузку на нестабильный грунт при оттаивании. Технологии бурения, такие, как горизонтально-направленное бурение и зарезка боковых стволов, позволяют эффективно достигать труднодоступных залежей и оптимально использовать каждую скважину. Это значительно повышает объёмы добычи и снижает затраты.

В транспортной сфере реалии Арктики требуют технологичных решений. Создаются специальные арктические автобусы и вездеходы, способные безопасно

перевозить людей и грузы в экстремальном холоде. Также активно развиваются морские и авиационные маршруты, поддерживаются проекты модернизации портовой инфраструктуры для увеличения пропускной способности и безопасности на Северном морском пути.

Одно из интересных наблюдений моего брата – в ХМАО до сих пор находят мамонтов. Это напоминает, насколько богат и уникален этот край, где история переплетается с современными технологиями. Кроме того, регион славится изобилием дикой природы: тут много ягод и грибов, что говорит о том, что несмотря на активную промышленную деятельность, природа выдерживает нагрузку и сохраняет своё биологическое разнообразие.

Работа Максима и его коллег ‑ не просто добыча ископаемых. Этот процесс стимулирует развитие всего региона, привлекает значительные финансовые потоки, которые идут на инфраструктуру, социальные проекты и новые технологии. Экономика ХМАО активно растёт, что создаёт рабочие места и улучшает уровень жизни местного населения.

Таким образом, вклад инженера в развитие Арктики – это не только бурение скважин и добыча полезных ископаемых. Это ещё и разработка новых технологий, позволяющих снизить воздействие на окружающую среду, обеспечить безопасность труда и повысить эффективность производства. Это строительство инфраструктуры, создание рабочих мест, улучшение качества жизни людей, живущих в суровых условиях Севера. Работа инженера в Арктике – это вызов, требующий профессионализма, стойкости и преданности своему делу. Это вклад в будущее России, в освоение её богатейших ресурсов и развитие её северных территорий.

***Коломенская Анастасия**, ИЯЭиТФ, С24-АЭ*

Я до сих пор храню ту открытку. Она пришла по почте в потрескавшемся конверте, пахнущем чем-то чужим, холодным и далеким. Мой дед, достав ее, надолго задумался, а потом тихо сказал: «От Сашки. С Крайнего Севера». Я, маленькая, с трудом разглядывала изображение над его плечом.

На открытке был он – Атомный Ледокол среди бескрайнего ледяного океана. Его корпус белым пятном выделялся на фоне промозглой голубизны. Он рассекал ледяное полотно, как нож масло. Для меня, выросшей в городе, это было удивительно и необычно, поскольку на нашей Волге я видела только водоходы и грузовые суда. Это было зрелище – увидеть такой мощный корабль. Я прикоснулась пальцем к глянцевой поверхности и почувствовала суровость Арктики.

«Он работает на атоме», – пояснил дед, видя мое замешательство. Атом. Для меня это слово означало что-то невидимое и могучее. Эта магия жила в стальном сердце этого гиганта. В тот миг я задумалась. Я захотела увидеть этот ледокол, понять эту магию. Детская мечта, рожденная открыткой, стала компасом, который привел меня в атомную энергетику.

И сейчас, стоя у сложных чертежей и глядя на схемы реакторов, я часто вспоминаю того первого «кита». И мысленно возвращаюсь к его праотцу, к человеку,

который, наверное, испытывал те же чувства, – к вице-адмиралу Степану Осиповичу Макарову. Это он, еще на заре двадцатого века, загорелся безумной, казалось бы, идеей: создать судно, которое не будет бояться льдов. Не просто укрепить корпус, а вложить в этот корабль душу. Его «Ермак», первый в мире арктический ледокол, был не просто инженерным проектом, но и символом человеческой воли. Чертя линии на ватмане, Макаров как бы высекал воображением образ будущего. Он видел Арктику как будущий морской путь, «Великий Северный тракт», как он его называл.

Труд его был титаническим. Ему приходилось бороться за свою идею, добиваться признания и одобрения проекта. И его творение оправдало надежды. «Ермак» стал ключом, отпирающим ворота в Верхние Широты. Он прокладывал путь караванам судов, работал в тяжелых условиях. «Ермак» отправился в Северный Ледовитый океан для научных исследований. Экипаж изучал морскую фауну, северные льды и воды. Он доказал, что лед – не приговор для освоения Арктики, а вызов, который он принял. Влияние Макарова и его детища на науку и освоение Арктики невозможно переоценить. Он заложил целое научное направление – ледоколостроение.

И теперь, обозревая всю историческую цепь – от первого появления и до усовершенствования современного ледокола, я понимаю, насколько важную отрасль создал Макаров. Поразительно, что и по сей день эта отрасль продолжает развивается новыми темпами. И разве не удивительно, что пожелтевшая открытка когда-то стала для меня тем первым ключом, что отпер дверь в мир атомной энергетики? Я почувствовала себя частью этого непрерывного потока идей и знаний. Мы, студенты НГТУ, как когда-то Макаров, боремся со стихией, но на ином уровне. И каждый наш новый расчет, каждый успешный проект – это наш «Ермак», наш удар по «льдам» незнания, прокладывающий путь в будущее страны. Спасибо тому другу деда и той пожелтевшей открытке ‑ они показали мне, что даже самая маленькая искра впечатления может разжечь неподдельный интерес к дальнейшему развитию атомной промышленности в стране.

***Мусаров Алексей**, ИПТМ, 25-ТМ*

Когда мы говорим об Арктике, чаще всего мы вспоминаем экспедиции, палатки на льду и героизм полярников. Но за каждым шагом на север стоит инженер. Его вклад – не в том, чтобы пройти по снегу, а в том, чтобы сделать сам путь возможным.

Атомный ледокол – это не просто корабль, это инженерное чудо. Представьте: реактор, заключённый в сталь, работает как маленькое солнце, давая энергию для десятков лет плавания без дозаправки. Турбины превращают тепло в движение, винты разрезают лёд толщиной в несколько метров. Разве это не магия, только выраженная в формулах и металле?

Но инженер думает не только о мощности. Он проектирует корпус так, чтобы он скользил по льду, а не ломался о него. Он рассчитывает угол наклона носа, чтобы корабль не «врезался», а «взбирался» на ледяную плиту и давил её сверху. Он выбирает сплавы, которые не треснут при -50 °C, и системы, которые будут работать там, где обычная электроника сдаётся.

Навигация в Арктике – отдельная история. Компас здесь «теряет голову», спутники иногда молчат. Инженер создаёт системы, которые ориентируются по звёздам, по инерции, по сигналам, отражённым от ионосферы. Он словно говорит природе: «Ты думаешь, я заблужусь?» – и находит путь даже в белой пустоте.

Жилые комплексы на севере – тоже его работа. Модули, где тепло не уходит сквозь стены, где вентиляция не замерзает, где человек может жить месяцами, не ощущая себя пленником холода. Это крепости XXI века, построенные не из камня, а из технологий.

Иногда я думаю: ведь инженер в Арктике – это человек, который спорит не только с природой, но и с самим временем. Он делает возможным то, что ещё вчера казалось фантастикой. И каждый новый проект – это шаг в будущее, где Север перестаёт быть пустыней и становится дорогой.

Можно ли назвать инженера первооткрывателем? Да! Ведь без него Арктика осталась бы недосягаемой. Он не идёт первым по льду, но именно он делает шаг возможным. Его открытия – это не громкие слова, а точные расчёты, сварочные дуги и линии чертежей.

***Круглов Матвей**, ИНЭЛ, 25-Э-4*

Все они – Седов, Русанов, Папанин – были титанами. Их имена вписаны в историю покорения Севера. Они шли сквозь пургу, мерзли в палатках, боролись со льдами, подчиняя себе стихию силой воли и мужества. Их подвиг виден невооруженным глазом. А наш, инженерный, – невидим.

Мне, инженеру-электрику, Арктика открылась не как белое безмолвие. Здесь, где столбик термометра замирает на отметках, от которых трескается сталь, где метель превращается в сплошной поток миллионов иголок, – здесь любая истина из учебника по электротехнике приобретает иной вес.

Моя Арктика началась с чертежа. Не с героической речи капитана, а с тихого гудения трансформатора на испытательном стенде. Нам, группе студентов-энергетиков, поставили задачу: спроектировать систему энергоснабжения для пункта на Земле Франца-Иосифа. Казалось бы, что сложного? Солнечные панели, ветрогенератор, дизель-генератор как резерв. Открывай ПЭУ-7 и считай.

Но Арктика не терпит абстракций. Твой «ветряк» должен выдержать не «порывы ветра», а ураган, что рвет стальные тросы, как гнилые нитки. Твои «солнечные панели» должны работать не просто зимой, а в условиях полярной ночи. А аккумуляторы... О, эти «сердца» любой автономной системы! Они здесь не «разряжаются». Они замерзают, буквально костенеют, теряя свою жизненную силу при -50 °C. Ты не просто подбираешь емкость. Ты борешься с энтропией, с самой физикой, заставляя ток течь там, где ему течь не должно.

И вот тут приходит осознание. Настоящий инженерный подвиг – это не громкая слава, а тихое гудение исправного оборудования там, где, казалось бы, не может работать ничего. Это когда в крошечном домике, занесенном снегом, загорается лампочка. Неяркая, на 40 ватт. Но для полярников она – не просто свет. Это сигнал: цивилизация здесь. Жизнь здесь.

Мы, электрики, – не романтики в привычном смысле. Наша поэзия – в ровной синусоиде на осциллографе. Наша гордость – в непрерывном электроснабжении. Но когда твоя гибридная электроустановка годами работает, ты понимаешь: мы такие же первооткрыватели. Мы не идем по следам великих – мы прокладываем трассы для кабелей, по которым бежит энергия. Ту самую энергию, что согревает, питает, связывает эту суровую землю с большой землей.

***Арбатский Леонид**, ИЯЭиТФ, 24-АЭ*

Когда мне было семь, у меня был пластиковый ледокол из конструктора. Желтый, неуклюжий, с пропеллером сзади. Я запускал его в ванной среди «льдов» из мыльной пены, и он с шумом раскалывал их, прокладывая путь игрушечным кораблям. Тогда я думал, что быть инженером – это значит собирать такие же огромные, мощные машины, только из настоящего металла.

Сейчас я на втором курсе Политеха, и мой мир теперь состоит из формул сопротивления материалов, чертежей с болванками и лекций по термодинамике. Иногда, смотря на эти схемы и графики, я ловлю себя на мысли: «Где тот самый вклад в покорение Севера?». Вклад инженера, как нам говорят на парах, это расчеты, допуски, сварные швы. Это не похоже на подвиг.

Все изменил один случай на кафедре инженерной графики. Я искал на полках методичку по резьбовым соединениям и наткнулся на папку с пожелтевшими чертежами. Это были не просто схемы – это был атомный ледокол «Ленин». Разрезы, узлы, виды сбоку. Это было в тысячу раз круче, чем любая фотография.

Я увидел, что могучий корпус – это не просто стальная гора. Это идеально рассчитанная форма, где важен каждый изгиб, каждый градус наклона. Инженер, который его чертил, не ходил по льдам, но он боролся с ними здесь. Он заставлял сталь не ломаться, а подламывать лед, используя его же силу.

Я увидел, что атомный реактор – это не просто «сердце» ледокола, как пишут в рекламных брошюрах. Это гигантский кипятильник, тепловая машина, и инженер-энергетик должен был рассчитать, как забрать это тепло, превратить его в пар, раскрутить турбины и в итоге заставить крутиться тот самый гребной винт, который толкает сотни тонн стали вперед.

А система электродвигателей? Кабели, тянущиеся на километры, как артерии, питающие моторы? Это же тоже чья-то работа. Инженера-электрика, который боролся не со льдом, а с сопротивлением и нагревом. Ведь если что-то откажет в сорокаградусный мороз посреди моря – это уже не ошибка в расчете, это трагедия.

И тогда до меня дошло, что того мальчика с желтым корабликом в ванной не обманули. Просто настоящий инженерный вклад в открытие Арктики невидим. Он спрятан в каждом миллиметре стали, в каждом ампере тока, в каждом джоуле пара. Ледокол – это не просто машина, это труд тысяч инженеров.

Я все еще сижу в аудитории и решаю задачи по сопромату. Но теперь я понимаю, что каждый мой правильно рассчитанный изгиб балки, каждый верно подобранный подшипник – это не просто галочка в зачетке. Это мой крошечный, но реальный вклад

в тот день, когда какой-нибудь будущий атомный гигант, с частичкой моего труда, войдет в тяжелые льды и расколет их с мощным треском.

Прокладывая путь не просто кораблям, а будущему. И я, как когда-то в детстве, снова это вижу. Только теперь я знаю цену этого пути.

***Сапожников Сергей**, ИЯЭиТФ, 24-АЭ*

Я всегда считал, что главное в инженерном деле – это мощь. Чтобы ревело, гремело и чтоб КПД зашкаливал. А всякие «сопротивления материалов» – это так, для галочки. Пока не съездил прошлым летом на Кольский полуостров, в порт Мурманска, и не залез внутрь атомного ледокола. Мы поехали с одногруппниками, как бы просто за компанию, на экскурсию. Я думал, будет скучно: ну корабль и корабль, только большой.

Но это было что-то. Снаружи – громадина, которая кажется недвижимой, как скала. А внутри... Ты идешь по узким, как в подводной лодке, коридорам, трогаешь рукой холодный, идеально гладкий металл, и тебя накрывает. Не размером, а мыслью. Каждый сантиметр этого монстра – это не просто инженерное решение, это ответ на вызов. Не абстрактный, а самый что ни на есть конкретный, толщиной в три метра: лёд.

Наш экскурсовод, бывший моряк с добрыми, прищуренными от бесконечного белого простора глазами, рассказывал не про мегаватты (хотя, конечно, и про них), а про мелочи, в которых и кроется гениальность. Вот этот, кажется, нелепый изгиб трубы – не дизайнерская причуда, а чтобы её не разорвало, когда корпус сожмет льдами. А этот люк так закрывается – потому что иначе его намертво заклинит, если на него нарастет тонна льда. И вот тут я всё осознал, всё было по-настоящему. Я увидел, как инженеры, которые это проектировали, буквально на кончиках своих карандашей и в сложных расчетах чувствовали этот холод, этот лёд, этот пресс. Они не просто чертили, они спорили со стихией, они её предвосхищали.

Я стоял в машинном отделении, слушал ровный, спокойный гул, и думал: ведь это же идеальная машина. Её создали не для того, чтобы слепо покорять природу, ломая всё на своём пути. Её создали, чтобы договариваться с ней. Чтобы не таранить лёд с разбегу, а подчистить его снизу, использовать его же хрупкость против него самого. Это высший пилотаж, это интеллектуальная победа. И она гораздо круче простой грубой силы.

Теперь, когда я зубрю термех или сопромат, я уже не просто вижу в них сухие формулы и задачи для сдачи. Я вижу этот самый изгиб трубы на ледоколе. Я вспоминаю этот ровный гул и понимаю, зачем всё это нужно. И мне хочется не просто сдать экзамен и забыть, а однажды, в будущем, придумать свою, пусть даже маленькую, деталь для такого вот большого диалога науки с природой. Чтобы деталь работала. Чтобы помогала договариваться.

***Демарев Владимир**, ИРИТ, 24-Р-2*

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ИНЖЕНЕР СТРОИТЕЛЕМ БУДУЩЕГО?

Для ответа на этот вопрос необходимо разобраться в вопросе о создании мира. Мне процесс устройства – первоначального создания мира – представляется похожим на настройку часов, задание правил, законов, форм существования материи и духа. Это похоже на проведение эксперимента: установить некоторый сюжет эксперимента, набор элементов, запустить некоторый процесс и затем ожидать, что произойдет.

Если рассуждать с таких позиций, то мир был инициализирован очень грамотно, закономерно и непротиворечиво. Один только факт существования математики красноречиво говорит об этом. Важнее даже то, что через математику, изначально абстрагированную от внешнего мира, можно описать многие явления в мире, и результат будет крайне точным.

Программиста в некотором смысле можно назвать Богом, поскольку он создает алгоритм, программу, которая может подчинятся любым законам и правилам. Вопрос только в том, будет ли этот мир замкнутым и непротиворечивым. Обычно программы пишут с опорой на предметную область, для которой и разрабатывается программное обеспечение. И только если программа написана в полном согласии с предметной областью, она будет самостоятельной, получится замкнутый мир.

Яркий пример, выражающий мысль о Программисте-Боге – видеоигры. В данном случае разработчики буквально создают свой мир со своими правилами. Причем игры могут быть максимально абстрагированы от реального мира и такой мир мог бы существовать, если бы наш мир был инициализирован по-другому.

Инженерия позволяет достижения теоретической науки перенести на жизнь человека, делая более эффективным преобразования действительности, работу с информацией, использование энергии для выполнения различных действий. Создавая различную технику, «единицы эффективности», инженер преобразует формат взаимодействия с внешним миром для достижения целей в более эффективный. Это можно назвать некоторой надстройкой над тем миром, который был создан Богом. С другой стороны появление инженеров – часть процесса стихийного развития мира, пущенного Демиургом на самотек. Инженеров можно называть «маленькими богами», надстраивающими имеющийся мир, строителями будущего.

Однако техническое средство можно использовать и с благими, и со злыми намерениями. Чего только стоит появление ядерной бомбы у человечества. Теоретически это оружие может уничтожить несколько планет, подобных нашей. В данном случае инженера строителем будущего назвать сложно.

Но никто не гарантировал, что такого не произойдет, ведь если мир был однажды создан с некими настройками, далее в его устройство не вмешивались и не корректировали деятельность человека. Кто за это ответственен? Либо все, либо никто. Я придерживаюсь точки зрения, что во всем «виноваты» все, но в том смысле, что причастны, и имеют какое-то отношение к происходящему. В целом таковыми можно назвать всех, ведь все люди и объекты влияют друг на друга. Среди «виноватых», то есть всех, есть лишь более и менее виноватые. Поэтому винить можно либо всех, либо

никого. Есть лишь люди, которые причастны к созданию ядерной бомбы, но можно ли на них накладывать всю ответственность? Нет. Вопрос скорее в том, что некоторые хотят использовать ее по прямому назначению, а другие хотят от таковых защитится.

К сожалению, система слишком сложна, а мир не идеален.

***Шипицын Иван**, ИРИТ, 24-Р-1*

ПОЛЯРНАЯ И КОСМИЧЕСКАЯ КРИОИНЖЕНЕРИЯ

Я никогда не думал, что моя студенческая жизнь в Нижнем Новгороде превратится в путешествие по самым холодным уголкам Вселенной – от арктических льдов до вакуума космоса. Учусь я в НГТУ имени Алексеева, на специальности «Радиотехника», где нас с первых курсов учат работать со сложными электронными системами, антеннами и устройствами связи. Мой рассказ – о том, как я открыл для себя полярную и космическую криоинженерию, и как это изменило мой взгляд на будущее России. А теперь, с реальными деталями из моей практики, это не просто слова – это мой опыт в лабораториях Политеха.

Всё началось на втором курсе, когда я записался в научный кружок по криогенным технологиям. Наш куратор, доктор наук Елена Петровна, женщина со взглядом полярного исследователя, объявила: «Россия – лидер в криоинженерии. Мы осваиваем Арктику и космос, где температура падает до минус 270 градусов. Без нас ни ракеты не взлетят, ни лед не сохранится». Я тогда подумал: ну, криогенка – это жидкий азот для опытов в лаборатории. Но она показала видео с МКС: космонавты работают с криогенными системами охлаждения, где сверхпроводники позволяют приборам фиксировать гравитационные волны или изучать тёмную материю. А в Арктике? Там криоинженерия помогает в геоинженерии – искусственном утолщении морского льда, чтобы противостоять глобальному потеплению. Я узнал, что криоинженерия – это не просто наука о холоде, это искусство укрощения экстремальных условий, где обычные материалы ломаются, а жидкости превращаются в газы.

Мой первый проект был посвящён полярной криоинженерии, и здесь я активно использовал программу *Компас-3D* – это мощный CAD-инструмент для 3D-моделирования, который мы осваивали на занятиях по конструированию радиоэлектронных средств. В Компасе я строил модели систем для хранения криогенных жидкостей в условиях вечной мерзлоты на Таймыре. Представьте: в Арктике, где земля промёрзла на километры, но из-за потепления начинает таять, вызывая оползни и разрушения. Криоинженеры разрабатывают насосы, которые закачивают холодную воду под лёд, чтобы заморозить его заново. Я добавил свою идею – интегрировать солнечные панели с криогенными аккумуляторами, где энергия хранится в виде сверхохлаждённых газов. В лаборатории НГТУ мы тестировали прототип: маленький резервуар с жидким гелием, подключённый к симулятору полярной ночи. Я предложил использовать наноматериалы для изоляции, чтобы минимизировать теплопотери – идея пришла из лекций по материаловедению и

электронике, но я адаптировал её под арктические ветра, моделируя всё в Компас-3D для точных расчётов прочности и теплообмена.

Но настоящим открытием стала космическая сторона, и здесь мы перешли в 6-й корпус политеха, где находится Центр квантовых технологий с НИЛ «Сверхпроводниковая наноэлектроника». Это не просто лаборатория – это современный научный центр, где исследуют сверхпроводники на наноуровне, и там стоит установка, которая достигает температур в 0,015–0,0015 К (милликельвины, близко к абсолютному нулю). Это дилюционный холодильник на основе смеси гелия-3 и гелия-4, который позволяет охлаждать образцы для изучения квантовых эффектов. Мы работали с ней на практике: я помогал в экспериментах по сверхпроводящим кубитам, которые могут применяться в криогенных системах для космических компьютеров и радиосвязи. Елена Петровна связала нас с партнёрами из Роскосмоса — они ищут студентов для проектов по криогенной пропульсии. Знаете, ракеты вроде «Ангары» используют криогенное топливо: жидкий водород и кислород, охлаждённые до -253 °C. Без криоинженерии топливо испарится в космосе! Мы работали над моделью криогенного бака для миссии на Луну – чтобы хранить ракетное топливо в вакууме, где нет атмосферы для охлаждения. Мой вклад: алгоритм для автоматического контроля кипения и симуляция в программе для визуализации бака. А в центре мы тестировали сверхпроводящие элементы, которые могли бы интегрироваться в такие баки для нулевого сопротивления в электрических цепях охлаждения.

Конечно, были трудности. В одной симуляции наш «бак» «взорвался» – из-за неправильного расчёта давления. Елена Петровна сказала: «В космосе ошибки убивают, в Арктике – замораживают. Но это учит». Я вспомнил истории о советских инженерах, которые в 1960-е разрабатывали криогенные системы для «Востока» Гагарина. А сегодня? Мы в России строим криогенные модули для будущей Российской орбитальной станции (РОС), развёртывание которой планируется в следующем десятилетии. В центре «Сверхпроводниковая наноэлектроника» мы даже экспериментировали с материалами, которые выдерживают такие температуры, – это напрямую связано с космической криогенкой, где сверхпроводники позволяют создавать эффективные датчики для арктических и орбитальных миссий.

Теперь, гуляя по набережной Волги в Нижнем, я смотрю на небо и думаю: моя Родина – от Северного полюса до орбиты. Полярная криоинженерия спасает Арктику от таяния, сохраняя экосистему и ресурсы. Космическая – открывает путь к Марсу, где криогенные технологии позволят колонизировать ледяные пустыни. Я хочу внести свой вклад: после диплома поеду в Якутск или на Байконур разрабатывать гибридные системы – для Земли и звёзд, используя навыки разработки трехмерных моделей и опыт с той установкой в 6-м корпусе. Потому что криоинженерия – это не холод, это огонь инноваций, который разгорается в самых суровых местах. И я, студент НГТУ, готов к этому вызову.

***Панов Никита**, ИРИТ, 25-ИВТ-4-2*

Ветер яростно рвал все на своем пути, открывая тайны мира, где лед был не просто холодной субстанцией, а воплощением чего-то магического. В далекой тундре жили мастера холода – криоинженеры, чьи умения выходили за пределы обычной ковки металла. Они плели невидимые заклинания, чтобы земля не поддавалась жадному таянию льда и не позволяла домам скользить в бездну вечной мерзлоты. Их гильдии создавали фундаменты, похожие на корни древних деревьев, которые нашептывали земле: «Не таять». Материалы, рожденные в их мастерских, не ведали слабости: при минусовых температурах они оставались крепкими, а системы отопления бережно хранили тепло, словно величайшее сокровище.

На дальних станциях под защитными куполами, где хранились зерна и лекарства, каждый сосуд был окружен чарами холода. Даже вода, бегущая по трубам, не осмеливалась превратиться в лед. Их искусство было искусством сохранения жизни в окружении, которое только и стремилось поглотить тепло. За пределами небесного свода, в бескрайнем космосе, существовала родственная школа космической криоинженерии. Там мастера учились укрощать ледяную бездну, как герои, сражающиеся с ледяным чудовищем. Корабли и станции хранили топливо в прочных кубах криогенных резервуаров, электроника пряталась под надежными защитными панцирями, а каждый шов выдерживал суровые морозы. Для экспедиций к лунным кратерам и ледяным мирам им требовались буры, способные прорезать ледяные корки, и системы жизнеобеспечения, которые управляли теплом, словно алхимики огнем.

Эти два мира – земной Север и бесконечный космос – были связаны невидимыми нитями. Опыт, накопленный под северными сияниями, стал ключом к созданию звездных кораблей, а открытия, сделанные в вакууме, легли в основу лучших убежищ на льду. Так криоинженерия стала мостом между мирами, по которому шагали исследователи, несущие свет знания в самые холодные уголки вселенной.

Их знания передавались не только в академиях и лабораториях. Поэты и музыканты северных станций вплетали формулы в свои строки, чтобы молодые умы постигали хитрости сохранения тепла. На космических станциях инженеры устраивали ночи рассказов, где истории о выносливости оборудования в экстремальных условиях становились легендами.

Эти культурные связи превращали криоинженерию не просто в науку, но и в живую традицию, согревающую не только тела, но и души тех, кто осмеливался жить и творить в вечной стуже.

***Терентьев Матвей,** ИФХТиМ, 25-ММ-3*

Я учусь на материаловеда, и мне особенно интересна криоинженерия – перспективная и современная область знаний. По сути, это научно-техническая дисциплина, изучающая, как ведут себя различные материалы при экстремально низких температурах. Она создаёт прочную связь между двумя, казалось бы, совершенно разными направлениями – передовыми полярными технологиями и

космическими исследованиями. Фактически это единая инженерная задача, объединяющая два разных технологических рубежа.

Например, Арктика служит идеальным естественным испытательным полигоном для таких разработок. Обычные конструкционные металлы на сильном морозе быстро теряют пластичность, их кристаллическая решётка становится более жёсткой и хрупкой, под нагрузкой появляются трещины. Именно поэтому необходимы специальные сплавы, устойчивые к холоду и с легирующими добавками – никелем, молибденом и другими, которые препятствуют распространению дислокаций в решётке. Абсолютно такие же требования предъявляются и к материалам для космической техники, где температура в тени падает до -150 °C и ниже, создавая ещё более экстремальные условия, близкие к арктическим.

Получается, что, разрабатывая прочную сталь для ледоколов или надёжный сварной шов для арктического трубопровода, инженеры фактически создают технологическую базу для будущих космических баз и орбитальных станций. Например, тот же усовершенствованный алюминиевый сплав может использоваться для корпуса марсианского посадочного модуля. Таким образом, инженер, рассчитывающий прочность буровой платформы в Северном Ледовитом океане, вносит вклад и в развитие космической отрасли.

Мой личный вклад пока невелик, но он будет расти. Сейчас я изучаю основы металловедения: как углерод влияет на прочность стали, как термообработка меняет её структуру и свойства. Это фундаментальный шаг к участию в создании новых материалов. Даже моё текущее обучение — маленький, но значимый вклад в большое общее дело.

Криоинженерия – прочный мост между Арктикой и космосом, основанный на понимании поведения металлов в критических условиях. Это направление определяет будущее освоение как северных широт, так и дальнего космоса, открывая человечеству новые горизонты. Криоинженерия открывает новые горизонты в создании композитных материалов, способных выдерживать экстремальные температурные колебания. Эти разработки особенно важны для освоения труднодоступных регионов и глубокого космоса, где традиционные материалы быстро выходят из строя.

Назарова Виктория, *ИПТМ, 25-РТ*

Человечество всегда стремилось покорять самые недоступные и суровые уголки нашей планеты и Вселенной. Два таких пограничных места – это ледяные пустыни Арктики и Антарктики и безвоздушный, холодный вакуум космоса. Объединяет эти, казалось бы, разные среды одна фундаментальная характеристика – экстремально низкая температура. Наука, которая позволяет нам не просто выживать, но и эффективно работать в условиях холода, называется криоинженерией. Полярная и космическая криоинженерия, являясь двумя ветвями одного дерева, решают уникальные комплексы задач, открывая новые горизонты для исследований и технологического прогресса.

Полярная криоинженерия – это прикладная дисциплина, сфокусированная на

освоении и обустройстве жизнедеятельности в приполярных регионах. Её вызовы носят сугубо земной, но оттого не менее сложный характер.

Ключевой проблемой является вечная мерзлота – грунт, который остается промерзшим в течение тысячи лет. Строительство на таком основании требует инновационных решений. Традиционные фундаменты, передающие тепло от зданий, приводят к протаиванию мерзлоты, просадкам и разрушению конструкций. Поэтому криоинженеры разрабатывают системы свайных фундаментов, где постройки приподняты над землёй, позволяя холодному воздуху циркулировать и сохранять грунт в стабильном состоянии.

Ещё одна критическая задача – обеспечение энергоснабжения и тепла в условиях, где температура опускается ниже -50 градусов. Это требует создания сверхэффективных систем теплоизоляции, разработки надёжных источников энергии (таких, как арктические ветрогенераторы и солнечные батареи, адаптированные к полярному дню) и продуманной логистики для доставки топлива. Транспорт в полярных регионах – это тоже область криоинженерии: создание вездеходов, способных преодолевать торосы, снегоходов и судов ледового класса, которые могут ломать многометровый лёд. Таким образом, полярная криоинженерия – это искусство создания устойчивой инфраструктуры в самом холодном «уголке» нашей планеты.

Если полярная криоинженерия борется с холодом Земли, то космическая имеет дело с абсолютным холодом Вселенной, где температура в тени может достигать -270 градусов, что близко к абсолютному нулю. Здесь холод выступает в двух ипостасях: как грозный враг и как ценный союзник.

Враг он потому, что любая техника, отправляемая в космос, должна выдерживать эти температуры. Инженерам приходится разрабатывать материалы, которые не становятся хрупкими на морозе, специальные смазки, не застывающие в вакууме, и сложные системы терморегуляции. Космический аппарат, находясь на солнечной стороне, может раскаляться до сотен градусов, а в тени – мгновенно остывать. Задача криосистем – поддерживать стабильную температуру для работы чувствительной электроники и научных приборов, используя радиаторы, теплоизоляционные экраны и активные системы подогрева.

Но что ещё важнее, холод в космосе становится союзником. Криогенные технологии – это основа ракетного топлива. Жидкий кислород и водород, используемые в мощнейших двигателях, хранятся при экстремально низких температурах. Без умения управлять этими сверхохлаждёнными жидкостями космические полёты были бы невозможны. Кроме того, криогеника – ключ к будущему. Криоконсервация продуктов и биологических материалов, системы жизнеобеспечения с замкнутым циклом, где вода и воздух регенерируются, – всё это требует работы с низкими температурами. А проекты долгосрочных миссий, например, к Марсу, рассматривают возможность криогенного сна для преодоления многомесячного перелёта.

Несмотря на разницу сред, полярная и космическая криоинженерия тесно переплетены. Опыт строительства автономных станций в Антарктиде, таких, как

«Восток» или «Конкордия», где царят температуры, сравнимые с марсианскими, являются бесценным полигоном для отработки будущих лунных и марсианских баз. Методы сохранения энергии, управляемые отходами и жизнеобеспечением в изолированной среде, напрямую заимствуются космическими агентствами.

Перспективы же у этой идеи поистине звёздные. Развитие криоинженерии откроет путь к промышленному освоению Арктики, сделает возможным создание постоянных поселений на Луне и Марсе, где регуляция температуры будет вопросом выживания. Изучение ледяных лун Юпитера и Сатурна, таких, как Европа или Энцелад, чьи океаны скрыты под многокилометровой толщей льда, потребует создания криоботов-зондов, способных плавить лёд и проникать в подледные пространства в поисках внеземной жизни.

Таким образом, две ветви криоинженерии представляют собой не просто технические дисциплины, а стратегическое направление человеческой мысли. Это то, что способно соединить самые холодные точки Земли с бескрайними пространствами космоса. Покоряя холод, мы не только расширяем границы нашей планеты, но и делаем первые шаги к тому, чтобы стать межпланетным видом. Холод, который веками был непреодолимым барьером, благодаря упорству инженеров превращается в среду обитания и трамплин для великих космических свершений.

Бирюков Роман, *ИРИТ, 25-Р-2*

Холод – одна из фундаментальных стихий, с которой человечество ведет борьбу на протяжении всей своей истории. Однако на смену простому выживанию в суровых условиях низких температур пришла целенаправленная работа с холодом, превратившая его из врага в мощный инструмент познания и преобразования мира. Таким образом зародилась криоинженерия – междисциплинарная наука, занимающаяся исследованиями и технологиями, связанными со сверхнизкими температурами. Двумя самыми яркими и перспективными направлениями являются полярная и космическая криоинженерия. Несмотря на то, что обе они оперируют с экстремальным холодом, их цели, методы и масштабы в корне различаются, и они образуют две уникальные области применения человеческих изобретений. Полярное направление криоинженерии решает земные, но оттого не менее сложные задачи освоения Арктики и Антарктики, в то время как космическое направление устремлено к звёздам, открывая путь к межпланетным полётам.

Полярные регионы Арктика и Антарктика представляют собой уникальные природные лаборатории, где температура окружающей среды может опускаться ниже -60 °C, а земля находится в оковах вечной мерзлоты. Освоение таких территорий было бы невозможно без научного интереса, экономической выгоды и специализированной криоинженерии. Главной ее задачей является не просто борьба с холодом, а нахождение и исследование способов использования его свойств и приспособления к нему инфраструктуры. Ярчайшим примером, симбиозом инженерии и природного холода является всемирное семенохранилище на архипелаге Шпицберген. Это глобальный банк-резерват семян сельскохозяйственных культур, созданный на случай

глобальной катастрофы. Хранилище было построено в толще горы на глубине 120 метров в условиях вечной мерзлоты. Естественная температура породы составляет около -3 °C. Но для долгосрочного хранения семян необходима более низкая температура -18 °C. Главный криоинженерный трюк заключается в том, что для поддержания такой температуры необходимо дополнительное активное охлаждение, которое достигается благодаря холодильным установкам. Однако даже в случае ЧС и отказа энергосистем температура внутри не сможет подняться выше отметки в -3,5 °C из-за условий вечной мерзлоты.

Если полярная криоинженерия имеет дело с земным холодом, то космическая – с холодом, близким к абсолютному нулю. Так как космический вакуум – это среда с температурой около -270 °C, работа в таких условиях требует принципиально иных подходов. В качестве примера взаимосвязи холода и космической инженерии можно взять телескоп «Джеймс Уэбб». Его по праву считают шедевром космической криоинженерии. Его основной задачей является наблюдение за самыми далекими и древними галактиками в инфракрасном диапазоне. Чтобы уловить ничтожно слабое тепло таких объектов, детекторы телескопа сами должны быть невероятно холодными. Даже учитывая его местоположение в точке Лагранжа в 1,5 млн км от Земли, где он защищен от тепла нашей планеты и большей части тепла Солнца, его собственная электроника и остаточная энергия звезды все равно нагревают телескоп. Для борьбы с оставшимся теплом инженеры создали многоуровневую систему пассивно-активного охлаждения. Пассивной системой является пятислойный защитный экран, который с каждым уровнем переизлучает энергию Солнца обратно в космическое пространство. Активной системой считается MIRI – Mid Inferred Instrument. Она охлаждает оборудование и сам телескоп до рекордных -266 °C, отводя остаточное тепло с помощью электроэнергии.

Полярная и космическая криоинженерия – это два направления, позволяющие человечеству покорять самые экстремальные среды, от ледяных пустынь в Арктике до космического вакуума. Человек использует холод как инструмент – вместо борьбы с ним. Семенохранилище на Шпицбергене, использующее вечную мерзлоту как холодильник, и телескоп Джеймс Уэбб, чьи детекторы охлаждены до почти абсолютного нуля для изучения Вселенной. Это монументы человеческим достижениям в области криоинженерии. Они доказывают, что даже самую враждебную стихию можно превратить в союзника.

Веселов Владислав, *ИЯЭиТФ, С24-АЭ*

Начнём с того, что собой представляет криогенная инженерия. Слово «криогенный» произошло от греческого krýos – «холод, лёд» и греческого genés – «рождающий, рождённый» и означает относящийся к низким температурам, связанный с получением низких температур. В свою очередь, инженерия связана с технической деятельностью, техническим искусством. Получается, что криогенная инженерия (криоинженерия) является областью техники по изучению, освоению и применению технологий, связанных, соотносящихся с низкими температурами. Благодаря

криоинженерии удалось осуществить сжижение многих газов, которые обращаются в жидкости при температурах, много меньших 0 °C; создать криогенное ракетное топливо (на основе этих сжиженных газов); разработать новый вид хирургического лечения посредством воздействия низких температур на поражённые биологические ткани с целью их разрушения, удаления.

Отправляемся в космос. Именно в нём нашла себя криогенная инженерия. Там тоже очень холодно: −50, −100, −200 °C. Криогенные ракетные окислители (главным образом, жидкие кислород и водород) создают большую тягу, поддерживая интенсивное горение топлива. Такое криогенное топливо компактно, энергоёмко, используется в наиболее мощных двигателях. Сейчас больши́е усилия учёных направлены на улучшение систем охлаждения, что важно для будущих межпланетных, длительных путешествий для обеспечения космического корабля топливом в течение долгого времени. Чтобы лучше видеть холодный космос, нужно стать таким же холодным. Так, многие телескопы и детекторы, охлаждаясь до очень низких температур, открывают доступ к ви́дению тусклых и холодных объектов – первых галактик, протопланетных (околозвёздных) дисков, экзопланет (планет, расположенных за пределами Солнечной системы). Низкие температуры позволяют также фиксировать крошечные энергетические всплески вблизи тёмной материи и нейтрино, позволяющие обнаружить эти необычные объекты. Таким образом, выходит, что криогенная инженерия открывает разнообразные пути для освоения космического пространства.

Но ведь холодно не только в космосе. Что насчёт Арктики? Там, конечно, не так холодно, как в космосе (температуры опускаются всего лишь до −30, −40, −50 °C), но для человека это уже экстремальные значения. Зато Арктика для нас доступнее, чем космос, хоть и часто дальше. Например, кратчайшее расстояние от Нижнего Новгорода до Арктики по автомобильной трассе составляет 2000 км, когда до космоса лететь всего лишь около 100 км. Но всё же двигаться по Земле легче, чем Землю покидать, двигаясь вверх. Так что отправляемся в Арктику. Откуда же начинается Арктика? Её началом можно считать тундры (природные зоны, представляющие собой заболоченные низменности с высокой влажностью, сильными ветрами и многолетней мерзлотой) или часть Земли, находящуюся за Северным полярным кругом. Дальше, севернее тундры, находятся ледяные арктические пустыни. Условия в Арктике экстремальные: большие амплитуды температур с уклоном в сторону отрицательных, интенсивные ветра, осадков мало, но влажность высокая, а ещё бедные почвы. Тем не менее Арктика – место жизни многих людей, животных и растений, кладезь различных полезных ископаемых, огромные земельные, морские и ледяные просторы. Арктика представляет большой интерес для учёных и исследователей. В Арктической зоне России насчитывается (на 2025 год) 46 городов: Мурманск – крупнейший в мире город за полярным кругом, незамерзающий порт, база атомного ледокольного флота; Норильск (Красноярский край) — один из самых северных городов планеты, крупнейший центр добычи и переработки никеля, палладия и меди; Нарьян-Мар (Ненецкий автономный округ) – административный центр, где зимой можно увидеть

полярную ночь, а летом — белые ночи; Новый Уренгой (Ямало-Ненецкий автономный округ) – один из самых молодых и быстро растущих городов Арктики, известен как газовая столица страны... Чем же криогенные технологии помогают в Арктике? Хладостойкие сплавы используются для создания металлоконструкций, железнодорожных путей, газо- и нефтепроводов. Криогенная обработка металлов позволяет снять остаточные напряжения и повысить их износостойкость. В результате экстремального охлаждения в структуре металла формируется особая кристаллическая решётка, что повышает его прочность, износостойкость и долговечность. В строительстве используют специальные холодильные машины, которые зимой накапливают холод, а летом охлаждают грунт, в том числе для того, чтобы здания и сооружения не разрушались из-за таяния мёрзлых пород, на которых они стоят. Кроме того, сохраняя основания зданий и сооружений в мёрзлом состоянии за счёт применения специальных теплоизоляционных материалов, достигают повышения прочности, устойчивости этих оснований. В экологии криогели используются для предотвращения деградации и эрозии почв. Итак, криогенная инженерия очень полезна и в Арктике, в которой располагается достаточно большая часть нашей страны. Почему это место так притягивает многих людей? Потому что Арктика – один из наиболее перспективных и слабо освоенных регионов мира, здесь находятся одни из последних нетронутых запасов полезных ископаемых. По мере изменения климата мерзлота и ледники «отступают», повышая возможности освоения. Арктика – это богатейший источник пресной воды. Арктика в будущем может стать одним из крупнейших рыболовецких регионов мира. В настоящее время Россия заметнее всех других стран вкладывается в развитие Арктики и уже достигла там больших успехов, а потому может считаться крупнейшей арктической державой.

Лепенькин Антон, *ИЯЭиТФ, 24-ТС*

Я всегда считал, что холод – это просто отсутствие тепла. Пока однажды зимой не вышел на улицу рано утром. Минус тридцать. Воздух звенит, будто у мира натянули струну. Лёд на ресницах, дыхание превращается в паровой след – и вдруг понимаешь: холод – это не пустота, а огромная сила, которой мы, люди, ещё толком не научились доверять.

С этого момента я стал замечать, как работает лёд. Он сжимает, хранит, замедляет время, будто говорит: *«Стоп. Посмотри внимательнее».* Наверное, поэтому меня так зацепила тема криоинженерии – и полярной, и космической. Там, где царит экстремальный холод, человек вдруг становится изобретателем нового масштаба.

В Арктике всё честно. Лёд не прощает спешки. Там инженеры учат технику дышать морозом, строят подземные хранилища, которые заменяют целые электростанции, создают материалы, не боящиеся температуры, от которой металл звенит. Я видел кадры, как исследователи вынимают из вечной мерзлоты цветок, пролежавший там тысячи лет... и он всё ещё узнаваем. Представляете? Природа придумала криобанк задолго до того, как человек вообще понял, что это возможно.

А теперь – космос. Там холод уже не минус тридцать: там минус почти всё. Температура, которая буквально стирает тепло жизни. И всё же мы мечтаем строить криокапсулы для далёких перелётов, замораживать бактерии, семена, лекарства, чтобы доставлять их между планетами. Звучит как фантастика? Наверное. Но что-то внутри говорит: *«Это всего лишь следующий шаг»*.

Иногда я представляю: космонавт идёт по покрытой инеем поверхности далёкой луны. Под ногами – лёд, которому миллионы лет, а в руках у него – устройство, созданное в лаборатории где-нибудь в Мурманске или Новосибирске. Полярный мороз и космический холод будто пожимают друг другу руки через человека.

И ещё меня не отпускает мысль: криоинженерия – это не только про технику. Это про память. Про попытку сохранить то, что важно: редкие растения, микрожизнь, человеческие мечты. Холод, который обычно ассоциируется с безжизненностью, вдруг становится хранителем будущего. Парадокс? Нет. Просто мы наконец научились разговаривать с льдом.

Иногда мне хочется вернуться в то утро, когда воздух звенел. Только теперь я понимаю: это не мороз пел. Это будущее тихо подсказывало: *«Смотри глубже. Даже в холоде есть жизнь»*.

Закиров Ильдар, *ИРИТ, 25-ИВТ-4-2*

КАК ВОСПЕВАЛИ АРКТИКУ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ И СЕЙЧАС

Арктика всегда занимала особое место в национальном сознании нашей страны. Её восприятие зависело от исторического и политического контекста. Если в советскую эпоху акцент делался на героизме покорения стихии и романтике открытий, то в современной России на первый план вышли темы экономического освоения и укрепления государственного суверенитета.

В СССР образ Арктики был окутан духом героизма и романтики. Это была территория подвигов, где человек благодаря силе духа и командной работе побеждал суровую стихию. Культурный образ создавался вокруг реальных событий: спасения челюскинцев, дрейфа «папанинской четверки» на первой в мире станции «Северный полюс», трансатлантических перелётов Чкалова. Имена Отто Шмидта и Ивана Папанина знала вся страна. В искусстве эту эпопею демонстрировали во множестве фильмов. Арктика воспевалась как символ научного прогресса и торжества социализма, доказательство того, что новому обществу подвластны любые свершения.

Сегодняшнее восприятие Арктики в России стало более прагматичным, но не менее значимым. На смену романтике пришли наука и военное дело. Главными темами являются не покорение, а возрождение присутствия и экономическое освоение. Гордость нации – это мощнейший в мире атомный ледокольный флот, мега-проекты «Ямал СПГ» и развитие Северного морского пути как глобальной торговой артерии. Восстанавливаются военные базы, создаются арктические войска, что подаётся как укрепление национальной безопасности. Да, наука остаётся в фокусе, но она тесно связана с прикладными задачами. Современные герои Арктики – это путешественник

Фёдор Конюхов и экипажи новых ледоколов, чьи репортажи в соцсетях создают ощущение личной причастности.

Несмотря на общий объект восхищения, подходы кардинально различаются. В СССР Арктика была «территорией подвига» во имя идеи, полем для испытания человеческого духа. Сегодня это «территория будущего» – стратегический ресурс и поле для утверждения России на мировой арене. Советский образ был идеологическим и романтизированным, тогда как современный можно назвать геополитическим и экономическим. Общее же – это масштаб: и тогда, и сейчас образ Арктики служит мощным объединяющим символом, источником национальной гордости и уверенности в своих силах.

Таким образом, путь образа Арктики от советской эпохи к современной отражает путь от романтической веры в безграничные возможности человека к прагматичной уверенности в технологическом и экономическом суверенитете страны. Если раньше Арктику воспевали как символ мечты, то сегодня она – символ возрождения и стратегической мощи. Однако её аура особого, сурового и прекрасного мира, требующего от человека мужества и стойкости, остаётся неизменной, продолжая волновать умы и сердца.

ВСЁ НА ЮГ, А Я НА СЕВЕР

Рыбакова Екатерина, *ИЯЭиТФ, С24-АЭ*

ВСЕ НА ЮГ, А Я НА СЕВЕР

Вы когда-нибудь задумывались, куда бежит ваша тень? Летом, на южном пляже, она жмется к вашим ногам, маленькая и робкая. А вот на севере, в разгар белых ночей или под низким полярным солнцем, тени становятся гигантскими, вытягиваются на километры, уползают за горизонт. Кажется, будто сама земля пытается рассказать тебе что-то важное, показать твое истинное, растянутое во времени «я».

Все на юг. Это аксиома, не требующая доказательств. Туда, где море тёплое, как парное молоко, где солнце – гарантированный гость, а жизнь течёт по накатанному ритму «пляж-ресторан-прогулка». Юг – это обещание комфорта, предсказуемости, расслабления. Он прекрасен, не спорю. Но он – как громкий, весёлый праздник в большом доме, где так много гостей, что можно забыть звук собственного голоса.

А я на север. Зачем? Меня часто спрашивают об этом, и я всегда нахожу новый ответ. Потому что север не раскрывает своих секретов разом, он словно остров в тумане, который становится виден лишь по частям.

Я еду на север за тишиной. Но не за той, что есть в библиотеке. Северная тишина – это не то состояние, когда ты ничего не слышишь вокруг. Она приходит, когда внешний шум стихает настолько, что ты начинаешь слышать внутренний. И этот внутренний гул – эхо от только что стихшего ветра – становится громче любого урагана. Это тиканье собственного сердца, вдруг ставшее таким громким и отчётливым.

Я еду на север за светом. Не за ослепительным солнцем, а за его отражением. За полярным сиянием, которое не просто «светит», а живет: дышит, колышется, обнимает небосвод зелёными, фиолетовыми, багровыми реками. Это танец, длящийся миллионы лет, и ты – лишь случайный, замерший зритель на этом грандиозном балу. А ещё я еду за светом полярного дня, когда в два часа ночи можно читать книгу, и солнце, касающееся горизонта, окрашивает весь мир в нежные, акварельные тона. В эти часы время теряет свою власть, и ты чувствуешь себя частицей вечности.

Но главное – я еду на север за правдой. Север не терпит суеты и позы. Он сдирает с тебя шелуху условностей, как тонкую кожицу. Холодный ветер, пронизывающий до костей, не спросит о статусе в соцсетях. Бескрайняя тундра не интересуется амбициями. Здесь ты остаёшься наедине с собой – не с тем «собой», которого создал для города, а с тем, что остался бы, если бы убрали всё внешнее. И это бывает страшно. Но именно в этой правде рождается невероятная, первозданная свобода.

«Места силы» … Чаще всего это словосочетание ассоциируется с теплыми странами и древними храмами. Но для меня место силы – это склон сопки, с которого видно, как дыхание твоё превращается в облако и уплывает в долину. Это ледник, возрастом в тысячелетия, сияющий бирюзой в трещинах. Это взгляд коренного жителя – спокойный, всепонимающий, знающий цену и жизни, и смерти.

Юг лелеет тело. Север закаляет дух. Он не развлекает, а проверяет на прочность. И если ты проходишь эту проверку, то возвращаешься домой не просто с фотографиями. Ты возвращаешься с ощущением, что побывал на краю земли и заглянул за край себя. И понимаешь, что самые главные открытия – не в палатах мерзлоты или на дрейфующих станциях (хотя и они важны!), а в глубине собственной души, до которой в суете большого города просто не добраться.

Каликин Дмитрий, *ИНЭУ, 25-ЦА*

С детства я путешествовал по России. Эти поездки были связаны с моей спортивной жизнью. Я был во многих городах Центральной России, Урала и Сибири, познавал их умом и пытался прочувствовать сердцем. Но моим открытием стал не тёплый юг или продвинутый центр, а суровый и величественный Север. А точнее – город Кировск, затерявшийся за полярным кругом, у подножия Хибинских гор.

Путь сюда уже был частью открытия. Самолёт из Петербурга в Мурманск, а дальше – несколько часов на машине по укатанной снежной дороге. За окном мелькали белоснежные горы, тёмные силуэты леса и северное сияние, которое здесь называют просто «поляркой». Воздух здесь холодный и острый, с первого вдоха я почувствовал его суровость.

Кировск встретил меня своей рабочей красотой – горами. Горы – неотъемлемая часть этого города. Можно даже сказать, что главное сокровище Кировска – это не улицы, а то, что его окружает.

Кировск – это лучшее место для всех, кто дышит зимним спортом. Я оказался здесь в разгар сезона, когда город жил одной спортивной жизнью. Стоит отметить, что погода в то время была самая подходящая для тренировок! Поэтому своё путешествие я начал с санаторно-оздоровительного комплекса «Тирвас», с прилегающей к нему лыжной трассой. Затем посетил горнолыжный комплекс «Большой Вудъявр» – это отдельная вселенная! Здесь склоны разной сложности: от «зелёных» для новичков до головокружительных «чёрных» трасс. Я, будучи продвинутым в горнолыжном спорте, опробовал все трассы. Чувство, когда летишь вниз по идеально укатанному снегу, а вокруг – заснеженные вершины, невозможно забыть. Это полёт и свобода!

Невозможно забыть и катание на хаски – этот момент тронул душу. Поездка на упряжке сибирских хаски по заснеженному лесу! Ничего не слышно, кроме поскрипывания снега под полозьями и дыхания собак. Их неуёмная энергия и радость заразительны. Затем я отправился в горы. Хибины – это не Альпы с их острыми пиками. Это мощные, древние, округлые массивы, величественные и спокойные. Подъем на снегоходе, а затем на лыжах был испытанием для тела. Но какая награда ждала наверху! Бескрайнее море белого снега, тишина и вид на озеро Большой Вудъявр, скованное льдом. В тот момент я понял, что значит «почувствовать себя песчинкой». Но песчинкой, которая является частью чего-то грандиозного. Также запомнился полярно-альпийский ботанический сад: сложно поверить, но в этой снежной пустыне существует уникальный сад. Я посетил его оранжереи и попал в тропики: пальмы, орхидеи, яркие цветы. Этот контраст поразил меня больше всего!

Уезжал я из Кировска со смешанными чувствами. Была лёгкая грусть по приезде в аэропорт, но преобладало всё-таки чувство благодарности. Благодарности этому суровому краю за то, что он показал мне другую Россию. Не ту, что в учебниках, а живую, дышащую и мощную.

Кулижных Яков, *ИНЭЛ, 25-Э-2*

Сейчас, в XXI веке, каждый из нас может без труда делать все, что пожелает нужным. Выйти вечером на улицу, пройтись по тротуару под светом электрических фонарей, купить горячий кофе и сесть на скамейку в парке. Такой образ жизни

превратился для многих людей в рутину, кажется, по-другому и быть не может, но где-то там, на краю земли всё совсем иначе...

Арктика. Холодная снежная земля, на которой нет ничего, что показалось бы нам типичным. Даже снег выглядит не так, как в городе. Здесь ты остаешься один. Сам с собой. Наедине. Несмотря на чистоту ледяных полей, в такой пустоте есть много интересного. Такого, что сможет удивить самого ярого скептика. Только тут можно узреть истинное чудо.

Итак, ты оказался на Крайнем Севере, что же тут необычного? Для начала посмотри наверх. Что ты видишь? Если ничего, значит, вероятно, ты попал сюда в период полярной ночи. Скорее всего, многие уже слышали об этом явлении. Отсутствие солнца на протяжении 11 недель зачастую может вызвать тревогу у туриста. Однако ничего страшного, ведь благодаря ночной темноте можно увидеть нечто невообразимое, что не доступно обычным городским людям – Aurora Borealis или северное сияние. Прекрасное явление, вызванное взаимодействием частиц из солнечного ветра с атмосферой Земли. Такое явление может продолжатся от 2-х минут до 4-х часов. Но даже одного мгновенья будет достаточно, чтобы запомнить этот момент на всю жизнь.

Полярное сияние погасло, но не перестает удивлять природа Севера. Самое интересное, что можно увидеть в Арктике – это её обитатели. Например, полярная сова. Я думаю, многие видели её собратьев в зоопарке. Однако полярная сова сильно отличается от них. Главной особенностью большой птахи являются её могучие крылья, сила размаха которых сравнима с бесшумным, но мощным вентилятором. Птице нужно прикладывать много энергии, чтобы противостоять северному ветру, но также ей необходимо соблюдать тишину, это важно для охоты. Полярная сова – это эстетичная и грациозная птица, обладающая невероятными охотничьими качествами.

Порой кажется, что полярные совы – это единственные обитатели ледяной пустыни, но не вводите себя в заблуждение. В Арктике обитают и мелкие грызуны. К примеру, лемминг. Маленький круглый зверёк, похожий на пушистый шарик, при виде него напрашивается вопрос, как он мог выжить в таких жестоких условиях? Ответ прост: лемминги – самые плодовитые млекопитающие в мире, за один год самка может родить до сорока детёнышей. Кроме того, грызуны имеют необычное свойство – менять свою окраску. Ближе к зиме (как бы странно это ни звучало) лемминги начинают бледнеть, что позволяет им сливаться с окружающей средой, не становясь добычей для хищников. Смотря на таких милых пушистых зверьков, начинаешь жалеть, что им приходится жить в столь суровых условиях.

Итак, на суше, конечно, много интересного, но почему бы не посмотреть на водную гладь. Там можно увидеть самых милых ластоногих млекопитающих – тюленей. Разве есть на земле создания красивее их? Я думаю, нет. Такие толстые обитатели Арктики выживают за счёт своего жира, отложенного под кожей. Несмотря на размеры, они умело охотятся в воде, хотя с первого взгляда и кажутся неповоротливыми. Тюлени – очередные обитатели полярного севера, которые своеобразно приспособились к суровой среде.

Птицы, грызуны, полярное сияние, долгие ночи – все они, конечно, вызывают удивление, но где же чудо, которого все так ждут? А вы прислушайтесь. Что слышите? Ничего... Совсем ничего... Нет шума городов, нет толп людей. Ни кричащих детей, ни суетливых взрослых, ни неоновых вывесок, ни многоэтажных домов, ни гудения автомобилей, никаких назойливых деталей, которые так въелись нам в мозг. Здесь вы не услышите ни звонка надоедливого будильника, ни сигнала микроволновки, даже стук в дверь больше не донесется до ваших ушей. Здесь только вы и белый снег. И тогда в голове рождается вопрос: «А не это ли есть свобода?». Никто и ничто теперь не мешает и не помогает вам, теперь только вы и этот жестокий мир, который бросил вас на произвол судьбы. Та самая независимость от внешнего мира, которая напугает как нового туриста, так и опытного исследователя.

Свобода – это и есть главное чудо Севера. Его должен испытать каждый, кто хоть раз побывал на полюсе. Больше нигде нельзя ощутить такую свободу, которую дарует Арктика.

Егоров Иван, *ИЯЭиТФ, 24-АЭ*

Мое путешествие на Север началось несколько лет назад с Карелии. Да, конечно, это не совсем Арктика, но в сравнении с нашим регионом природа там уже совсем другая, завораживающая. Когда я впервые увидел эти водопады, откосы и скалы, я не знал, что мне чувствовать, какую эмоцию использовать в тот момент. Мы с родителями стояли заворожённые несколько минут, а может, и дольше, и только потом пришли, наконец, в себя. Хочется отметить, что природа Севера, действительно, манит людей. Глядя на вековые леса, мощные деревья в них, я понимал, насколько мы, люди, ничтожны в сравнении с ними. Ты чувствуешь, что жизнь, на самом деле, не в твоих руках, а в руках мира, его природы.

В этом году, летом, мы с моей группой ездили в экскурсионную поездку по предприятиям госкорпорации «Росатом», одним из которых был «Атомфлот», находящийся в Мурманске. Мурманск – это жемчужина нашего Севера, главный порт Северного морского пути, да и в целом огромный город-порт, расположившийся среди красивых гор и холмов. Скажу честно, увидев его впервые, мне показалось, что это скучный город, потому что в нём абсолютно всё серое: дома, небо, дороги. Но, выйдя на прогулку, мы смогли разглядеть его эстетику: на самом деле, хоть там достаточно серо и даже, как многие говорят, «депрессивно», но этот город даёт почувствовать свободу и волю. Пообщавшись с коренными жителями, мы узнали много интересного. Например, мне очень понравилась история о том, зачем столько иностранных туристов едут на русский Север именно зимой. Оказалось, туристы, в основном молодые люди, едут за северным сиянием, веря, что если увидят его в реальности, то их будущая семейная жизнь будет полна счастья и тепла. Также говорят, что «в поисках» северного сияния и те, кто не может долгое время завести ребёнка. Вообще я считаю, что северное сияние – это, правда, такое явление, которое, если ты когда-либо увидишь в своей жизни, даст тебе большое счастье и удачу на всю будущую жизнь. Оно такое редкое и, главное, всегда разное – в этом и заключается его загадочность. К сожалению, я еще не

успел повидать его, потому что был в Мурманске летом, но и летом на севере достаточно много интересного и необычного. Вместо полярной ночи там – полярный день, который тоже сбил нас с толку: в одиннадцать часов вечера город живёт, транспорта много, большое количество гуляющих по паркам и скверам людей. Люди севера вообще не такие, как мы, жители средней полосы. Их характер и сила воли оставляют нас далеко позади, ведь живя в таких трудных условиях – по 3 месяца без солнца или по 3 месяца без ночи, – они всё равно остаются эмоциональными, счастливыми и радостными!

Конечно, у такой красоты есть обратная сторона, которую невозможно не заметить. Север – это не только завораживающие горные пейзажи, но и суровое испытание. Тот же Мурманск с его серыми домами, конечно, поначалу навевает тоску и грусть, но это лишь первое впечатление. Север не притворяется, он не пытается понравиться. Он остаётся таким, какой есть на самом деле: строгим и требовательным. Погода – хозяин этого края. Холод, пронизывающий ветер, долгая зима – всё это требует от человека внутреннего стержня, большой силы воли. Мы с друзьями заметили, что местные жители немного отличаются от нас: например, по ним сразу видно, что они более закалённые, привычные к холодам и к трудностям, даже походка у них не такая лёгкая, она более собранная, будто они экономят силы и энергию. Север – это место, где ты быстро понимаешь, что комфорт – не главное в жизни. Здесь нет места «показухе» и легкомыслию. Возможно, именно эта строгость и отталкивает многих, поэтому люди, наверное, чаще выбирают уютное и тёплое южное солнце.

Но в этом, как мне кажется, и есть вся «соль», главный секрет Севера, его сила и притяжение. Пройдя через внешнюю суровость, ты начинаешь ценить простые вещи по-настоящему, именно поэтому северяне так ценят короткое лето, да и любое событие особенно ярко отображается в их долгой памяти.

Черней Юлия, *ИФХТиМ, 25-БИО*

В этом году мне удалось побывать в Ямало-Ненецком автономном округе, а именно в Салехарде. Моя поездка состоялась с 18 по 25 апреля. Это путешествие подарило мне незабываемые впечатления! 18 апреля был мой первый полёт на самолете. На борту авиакомпания «Ямал» на обед предложила пассажирам морошку и мясо оленя. Постепенно из окна стало видно, как менялись природные зоны, густые леса плавно на тундру с большим количеством снега.

Выйдя из самолета, я ощутила пронизывающий холод. Прогноз погоды показывал -15, но на самом деле ощущалось как -30. Вначале нашу делегацию повезли осматривать местные достопримечательности. Первой из них стала «Стела 66-я параллель». Она символизирует то, что этот город единственный в мире расположен прямо на Северном полярном круге (66,55° северной широты). Стела состоит из двух пирамид (20 и 22 метра высотой), между которыми проходит полукруг. Именно здесь началось моё знакомство с таким удивительным северным городом, его традициями и обычаями. Нам продемонстрировали народный танец; у ненцев были очень красивые костюмы. Нам рассказали, что раньше к одежде, на капюшоны, пришивали хвост

оленя, который защищал от холода и злых духов, символизировал мужество. Также каждому предоставилась возможность поиграть на шаманском бубне. Следующей достопримечательностью стал «Мамонт Митя» – монумент установили в 2005 году. Интерес к мамонтам в регионе возрос после находки хорошо сохранившегося детеныша мамонта в 1998 году, получившего имя «Маша».

Также нам удалось посетить природно-этнографический комплекс в посёлке Горнокнязевске. Здесь нам подробно рассказали историю города, как живут и чем занимаются люди. Основной вид деятельности – оленеводство. Больше всего меня удивило, что на территории Ямала насчитывается около 40 тысяч оленеводов! Ведь это люди, которые тесно связаны с природой. Их одежда – это шкуры оленей, их еда – блюда из оленины и таежные ягоды. Целый год они живут в чумах. Когда наступает время сезонных перемещений у оленей, кочевники передвигаются вместе с ними, перетаскивая свои жилища. Для людей, которые живут в квартирах в условиях полного комфорта, это может показаться дикостью, но побывав там, я могу с уверенностью сказать, что именно в этом и заключается изюминка этого народа! Я сама сидела в чуме, представляла, как на такой маленькой площади можно разместить целое семейство и его быт! Для меня это всё было невообразимо, словно я нахожусь в сказке!

Также нам удалось посетить предприятие «Газпром», ведь именно здесь, на Севере, добывают 12 % природного газа. Я была удивлена, что в таких суровых условиях люди работают не покладая рук: производство не должно останавливаться ни на минуту! Мы находились в поселке Ямбург, местные его называют «край земли». Там нет ни одного дерева, только сильный мороз до -30, леденящий ветер и толстый слой снега. Помимо «Газпрома» мы посетили ледяную пещеру. Там все было сделано изо льда: скульптуры, стены, мебель. Было ощущение, что я зашла в большой холодильник. На этом наше путешествие в Ямбурге закончилось, и мы полетели обратно в Салехард.

В Салехарде мы побывали в музейно-выставочном комплексе имени И.С. Шемановского. Этот музей часто называют «Ямальским Эрмитажем» В нем представлены останки мамонтёнка Любы, чучела животных и птиц, обитающих в тундре и тайге: северный олень, рысь, песец, белая сова и т.д. Музей обладает богатейшей археологической коллекцией, найденной на территории Ямала. Пробыв еще несколько дней в Салехарде, я прочувствовала жизнь на Севере. Ведь в климате нашего региона все по-другому. Я очень рада, что мне предоставилась возможность побывать в этом регионе нашей необъятной страны!

Пащенко Семен, *ИПТМ, 25-АМ*

Многие люди, окружающие меня, мечтают поехать на юг, ближе к морю, к солнцу. Говорят о теплом песке, о запахе соли, о вечном лете. А я скучаю по северу. По Воркуте. Я переехал сюда учиться, но прожил там восемнадцать лет, и теперь тоска по дому будто поселилась во мне. Живёт тихо, где-то на заднем фоне, но не отпускает.

Здесь многое кажется мне чужим. Даже деревья какие-то другие. Природа мягкая, ухоженная, без этой суровой мощи, к которой я привык. И снег, он тут

ненастоящий. Выпадет, порадует пару дней – и вот уже слякоть под ногами. А у меня в памяти тундра до горизонта, сугробы по крыши, хрустящий наст и ветер, который не просто дует, а поёт, завывает, будто разговаривает с тобой. Этот звук – часть моего детства. Часто вспоминаю полярную ночь. Это не просто темнота, как здесь зимой. Это особое состояние глубокого затишья. Мир будто выдыхает и замирает, а ты остаёшься один на один со Вселенной. Звёзды, они там особенно яркие, будто ближе. Их свет холодный, живой, почти колет глаза, но взгляд отвести невозможно.

А северное сияние... Никакое фото не передаст его таким, как оно есть. Потому что это не картинка – это ощущение. Когда посреди кромешной тьмы вдруг начинается тихая буря: над головой вспыхивают, движутся, переливаются зелёные и розовые огни. Они словно дыхание самой планеты. И в этот момент всё вокруг – все дома, огни, шум будто перестают существовать. Ты просто стоишь и чувствуешь, насколько мир огромен и непостижим.

Я иногда иду возле нижегородского кремля, смотрю, как сливаются Ока и Волга. Конечно, по-настоящему красиво, но всё равно не то. Закрываю глаза – и вижу тундру, ровную, снежную, без края. Чувствую холод, щиплющий щеки, и понимаю: вот он, мой настоящий пейзаж.

Пока все мечтают уехать на юг, что-то внутри меня тянет обратно, на север. Туда, где в самой страшной пурге вдруг находишь странное, ни с чем не сравнимое спокойствие. Как будто именно там, среди ветра и льда, и есть настоящая столица мира.

На юге, говорят, всё проще. Там люди улыбаются чаще, солнце не прячется неделями, а жизнь течёт размеренно и мягко. Но меня пугает эта бесконечная лёгкость. Я привык к испытаниям. Север научил меня терпению, молчанию и уважению к силам природы. Там не спрячешься ни от ветра, ни от себя. Там всё настоящее: холод, усталость, радость. Может быть, именно поэтому я и чувствую к нему такую привязанность.

Север делает человека другим. Он обнажает характер, проверяет, из чего ты сделан. Там, где за ночь может выпасть метр снега, где ветер способен сбить с ног, всё мелкое и притворное исчезает. Остаешься только ты и огромный живой мир вокруг. В нём есть суровость, но есть и особая нежность. В редком солнечном свете на снегу, в столбе дыма из трубы долгожданного дома.

Когда я думаю о будущем, не представляю себя под пальмами. Меня зовут не пляжи, а просторы. Хочется вернуться туда, где зимой всё спит, но ты чувствуешь, что земля жива, где лето короткое, но каждый день праздник света, где люди немного грубоваты, но глаза у них честные и открытые. Север – это не место отдыха, а место силы. Там всё по-настоящему.

Может, поэтому, когда все на юг, я на север – к местам силы, загадкам полярной ночи, красотам северного сияния, а ещё к себе настоящему. Потому что только там я чувствую, что стою на земле, которая меня знает и помнит.

Моисеева Ульяна, *ИРИТ, 25-ИТС*

Почему мы, имея все для комфортной жизни, так часто чувствуем себя потерянными и неудовлетворенными?

Сочи. Палящее солнце, пляж, покрытый горячими камнями, которых порой почти не видно из-за толп отдыхающих. Яблоку негде упасть!

– Горячая кукуруза! Свежая горячая кукуруза! – кричит женщина со сгоревшей кожей, петляя между рядами шезлонгов и предлагая им перекусить.

Кажется, душно, но свежесть ветра, мягко текущего с моря, развевает эти ощущения. Волны, словно жидкие зеркала, плавно перетекают друг на друга, будто съедая свои же отражения. Где-то кричат и спорят чайки, некоторые опустились на воду и с интересом наблюдают за кучей людей, к которой, наверное, привыкли, периодически даже отбирая у них ту самую кукурузу…

И так тошно от этого места...

Крым. Раскаленный солнцем песок жжет даже через шлепки. Или это просто настолько жарко? Огромная бухта, по берегу которой распластались люди, под нависающими скалами, полна жизнью и спокойной водой. На одном из обрывов высится крепость еще со времен Османской империи, полуразваленная, хмуро смотрят серые зубцы. Если попробовать дойти до нее, то придется пройти всю набережную, мимо лавок, из которых кричат продавцы, через небольшие закусочные, откуда пахнет овощами на гриле, под сетями из разноцветных флажков, которые нисколько не защищают от жестоких лучей. Да уж, туда добраться можно только вечером, когда солнце скроется за скалами...

И все не то.

Кавказ. Здесь уже нет моря, но его заменяют горячие источники. Вечные спуски, возвышения и петляющие улицы, горы, множество изумрудных деревьев, под которыми можно постоять и отдохнуть от душной жары. Кажется, здесь уже лучше.

По канатной дороге, постоянно пересаживаясь с одного подъемника на другой, поднимаешься на самый верх, к Эльбрусу. Жаркий душный воздух сменяется на прохладный ветер, перед глазами вместо приземистых каменных домов блестит снег, камни обвивает замерзшая вода, прозрачная и чистая, словно стекло. Выходишь из фуникулера и ступаешь по хрустящему свежему снегу, чуть скользишь по льду из-за неопытности, но быстро привыкаешь. Четко рисуется двуглавая вершина горы, смотрящая в чистейшее голубое небо. Светит солнце, но жар перебивает прохлада, которую приносит ветер.

У края столпились люди, снимающие живописный вид. Только задумался, засмотрелся на пейзаж, как тебя сбивает с ног толпа людей, слышится невнятное извинение.

Нет. Здесь тоже тошно.

…Все заполнено льдом. Бескрайнее озеро расстилается до горизонта, пока сзади в мутноватом зеркале отражаются размытые скалы и берег. Солнце еще только поднимается, небо еле розовое, а мороз чувствуется даже через плотную одежду. Ветер скользит и трется о куртку, будто тоже хочет согреться. Вдыхаешь холодный воздух,

а выдыхаешь пар, который тут же оседает кристалликами в мерзлоте. Мутные белые трещины уходят глубоко под лед, исчезают внутри. Байкал под ногами кажется таким тяжелым и крепким, но на его поверхности, наоборот, легко и свободно.

Здесь нет места духоте. Не нужно никуда пробираться сквозь толпы людей, никто не толкает тебя у обрыва, ведь здесь просто нет края. Есть только бесконечность льда, уходящая в такую же бесконечность неба. Ветер не пахнет жареным маслом или соленым потом – его аромат не слышно. Он просто есть, холодный и чистый, вымораживающий душу до прозрачности байкальского льда.

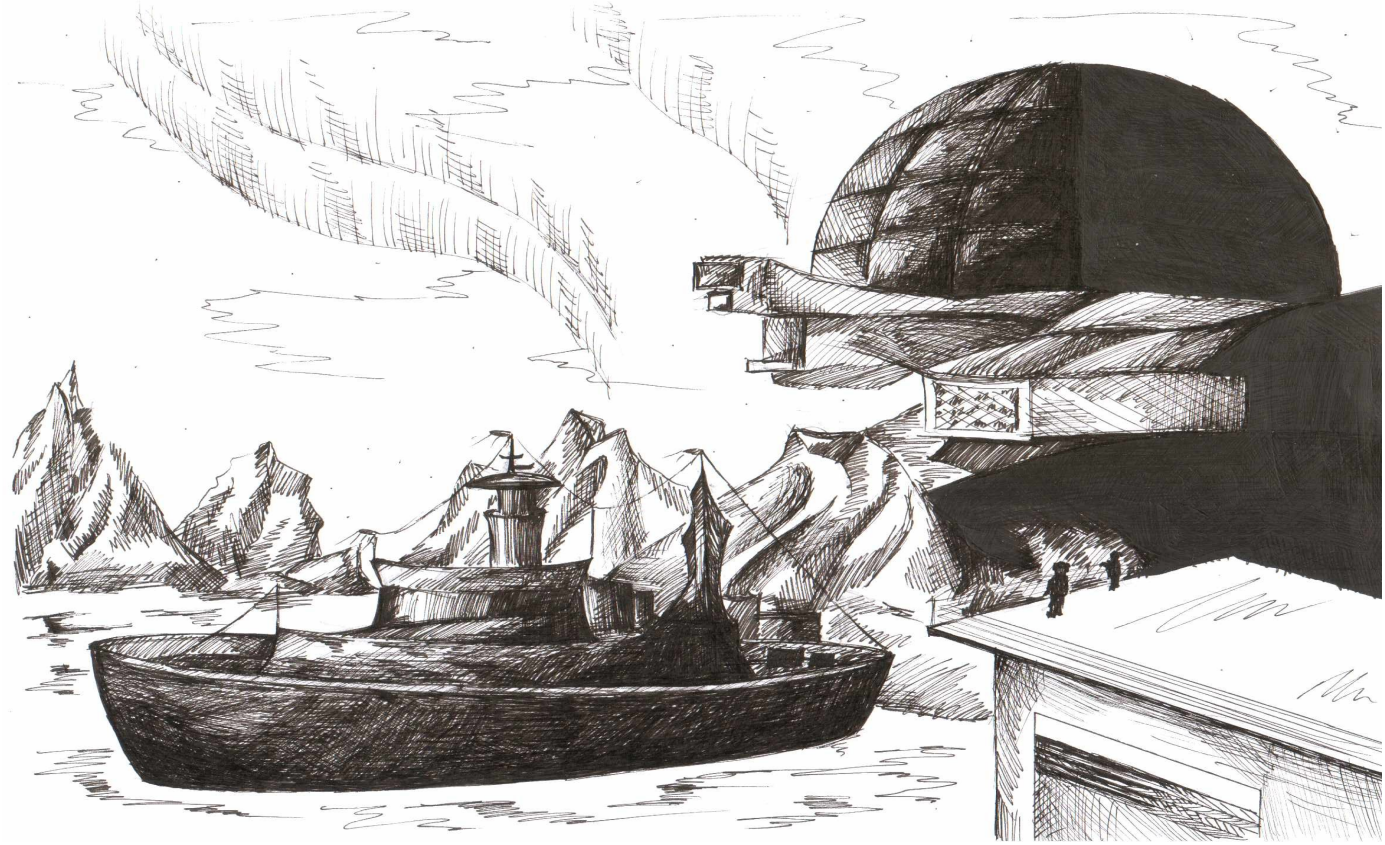
Солнце поднимается выше, и розовый свет зажигает в трещинах голубые искры, а если лечь на лёд и прислушаться, то можно услышать его треск, словно глухое рычание какого-то зверя.

Тишина становится оглушительной. Она не давит, а наполняет. В ней нет места тошноте от суеты, от чужих вздохов или восторгов. Ты один на один с вечностью, и это не пугает, а, наконец, успокаивает. Просто стоишь и дышишь. И понимаешь, что все это время бежал от себя. И здесь, на Байкале, тебя, наконец, догнать некому. Кроме тебя самого.

АРКТИКА ГЛАЗАМИ СТУДЕНТА

Сколкина Арина, *ИРИТ, 25 ИВТ-5*

Шилова Ксения, *ИРИТ, 25-ИСТ-1*



Гордеева Елизавета, *ИНЭЛ, 25 Э-1*

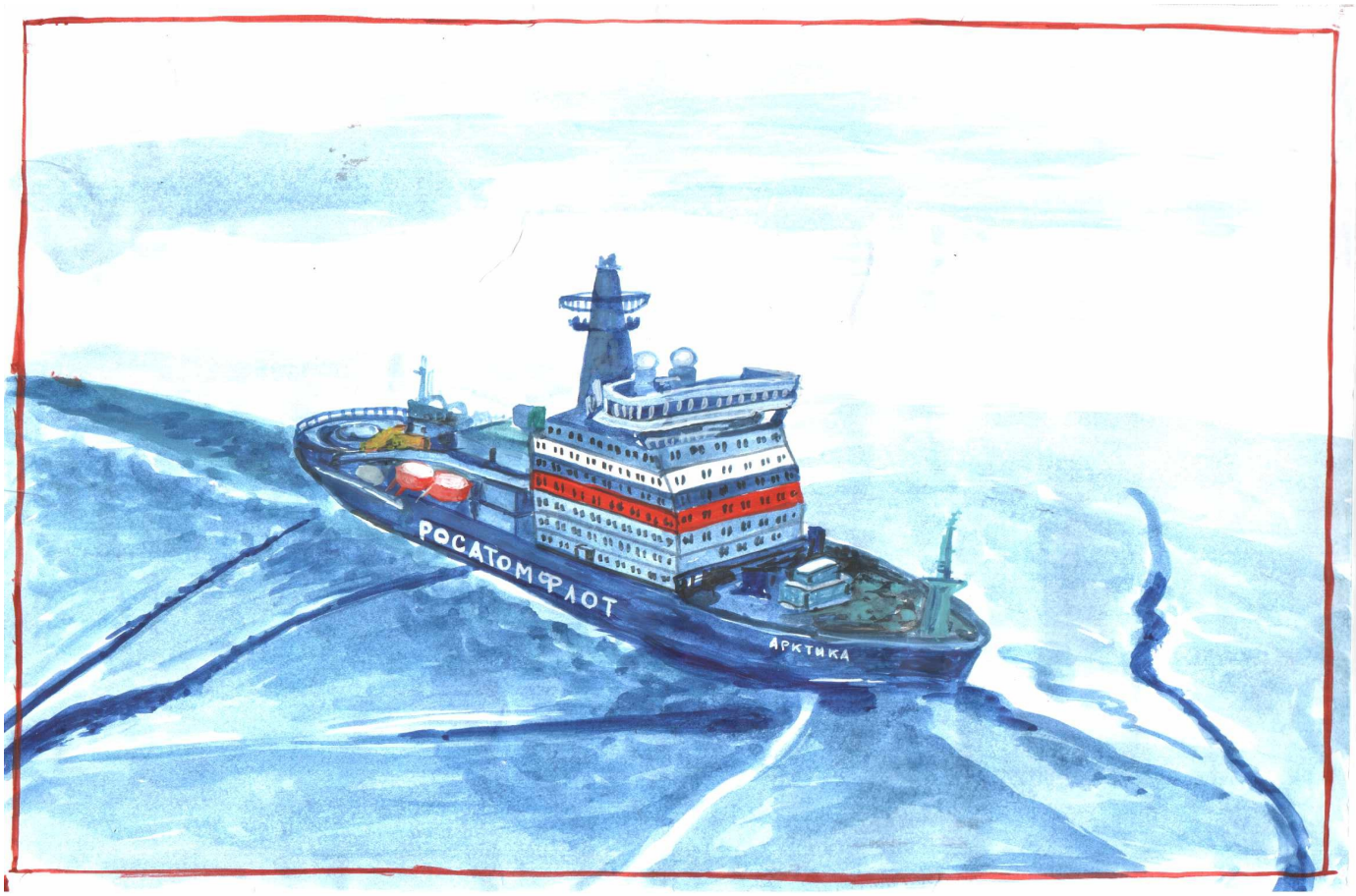
Вайнштейн Алексей, *ИЯЭиТФ, 25-ООС*

Салтысюк Анастасия, *ИРИТ, 25-ПМ-2*

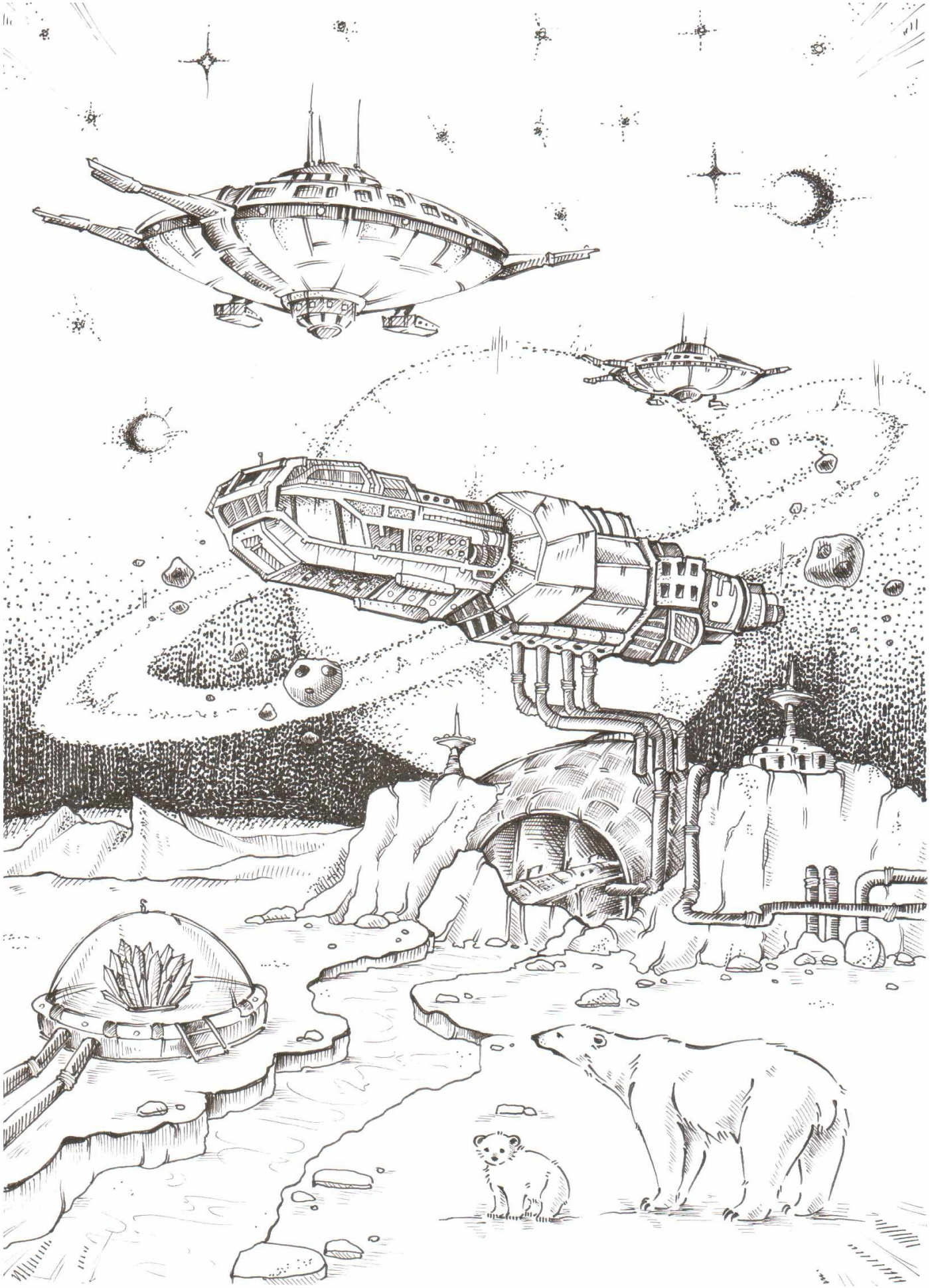
Курдина Милана, *ИРИТ, 25-ИСТ-2*

Войнов Арсений, *ИНЭЛ, 25-Э-4*

Гольдина Алина, *ИРИТ, 24-КТЭС*



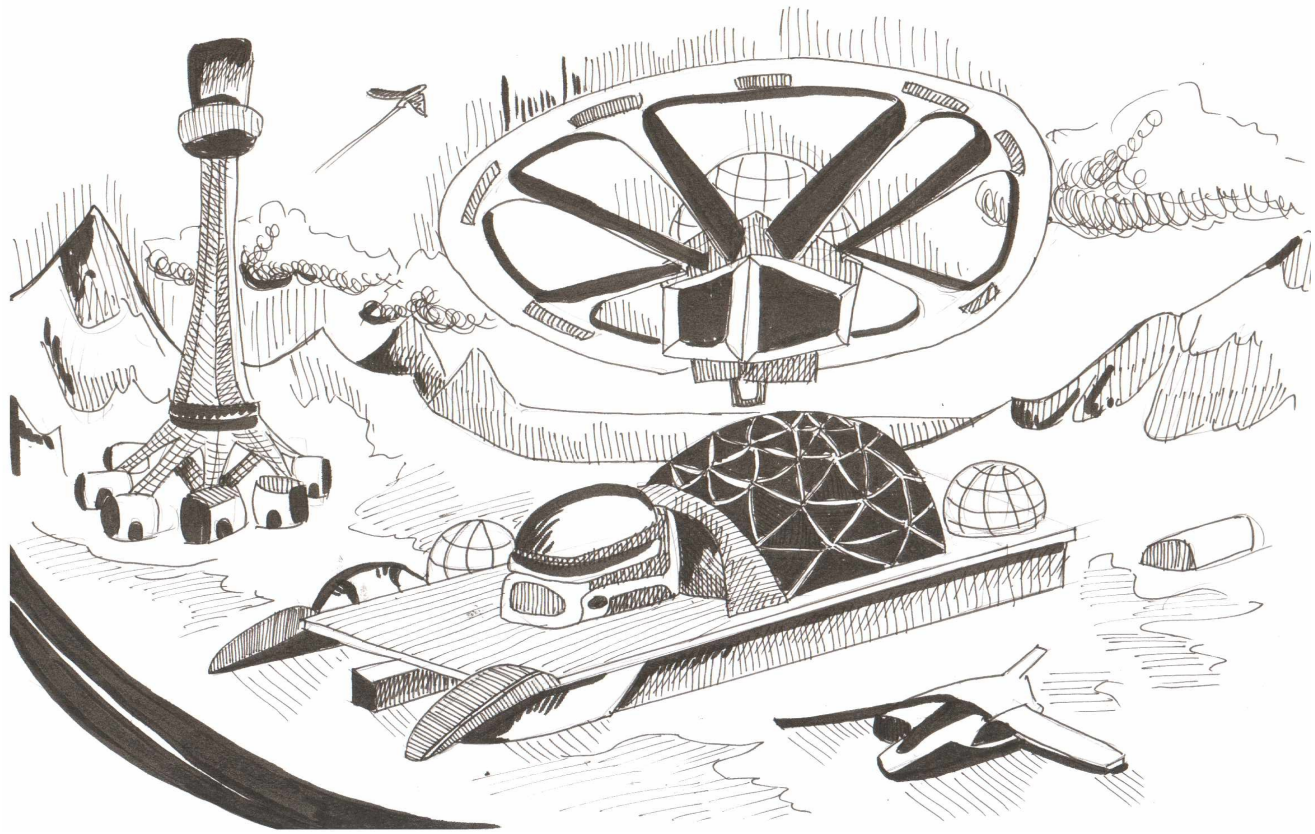
Еранцев Андрей, *ИПТМ, С-25ПК*



***Климин Алексей**, ИНЭЛ, 25-Э-4*

Иванцова Анастасия, *ИРИТ, 25-ИСТ-4-1*

***Тюкалкина Ксения**, ИРИТ, 25-ИСТ-1-1*



***Малинин Роман**, ИПТМ, 25-ТМ*

***Елисеев Матвей**, ИПТМ, 25-ТМ*

Гонов Егор, *ИНЭЛ, 25-Э-6*

ПОЛИТЕКСТ

Альманах творческих работ студентов

Выпуск 18

Ответственный за выпуск: Гордина Е.Д.

Редактор: Вилков Д.В.

Художник: Зубова А.Д.

Подписано в печать . Формат 60×84 $^{1}/_{8}$ Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. . Уч.-изд. л. _. Тираж __ экз. Заказ

Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева.

Типография НГТУ.

Адрес университета и типографического предприятия:

603950, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 24

Альманах творческих работ студентов "Политекст"

Приглашает молодых талантливых авторов
(поэтов, прозаиков, художников)
принять участие
в следующем выпуске сборника.
Произведения для публикации
необходимо представить в печатном
и электронном виде
на каф. "методология, история и философия науки"
(а.6402)
Творите! Пишите!
Присылайте!
телефон для справок: 257-86-51
e-mail: filosof6@nntu.ru